

The background is a dark blue night sky filled with white stars and several colorful fireworks exploding in shades of pink, yellow, and white. Two yellow and red rockets are shown in mid-air, one on the left and one on the right.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Во
ВРЕМЕНИ

ХОМЯКОМ

РОСС УЭЛФОРД

Бестселлеры мировой фантастики для детей

Росс Уэлфорд

**Путешествие во
времени с хомяком**

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Уэлфорд Р.

Путешествие во времени с хомяком / Р. Уэлфорд —
«Издательство АСТ», 2015 — (Бестселлеры мировой фантастики
для детей)

ISBN 978-5-17-123214-6

На двенадцатый день рождения Ал получает от покойного отца письмо: мальчик должен отправиться в прошлое и предотвратить его гибель. На необычной машине времени Ал вместе со своим хомяком путешествует в 1984 год. Сумеет ли он спасти отца, не вызвав при этом временной парадокс, который повернёт реальность в совершенно новое, неожиданное русло? Захватывающая и трогательная история от восходящей звезды детской фантастики, популярного британского автора Росса Уэлфорда. Для среднего школьного возраста

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-123214-6

© Уэлфорд Р., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	41
Глава 18	43
Глава 19	46
Глава 20	48
Глава 21	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Росс Уэлфорд

Путешествие во времени с хомяком

Посвящается Гуннель, Астрид и Юэну (и Джесс)

Мой папа умирал дважды. Первый раз – когда ему было тридцать девять, а потом снова – четыре года спустя, когда ему было двенадцать. (Он умрёт и в третий раз, что, пожалуй, чересчур жестоко, но тут ничего не поделаешь.)

Первый раз никак не был связан со мной. Второй же – определённо был, но оказался я там только из-за папиной «машины времени». Я знаю: кажется, будто бы я обвиняю папу, а это вовсе не так, но... вы скоро поймёте, что я имею в виду.

Спроси вы меня раньше, я бы сказал, что машина времени может выглядеть как подводная лодка. Или космическая ракета. В любом случае, это что-то с кучей переключателей, панелей и лампочек из железа или чего-то подобного, и обязательно большое – то есть *действительно* большое – с двигателями, усилителями и реакторами...

Вместо этого я вижу перед собой ноутбук и жестяной садовый таз.

Это – машина времени моего папы.

И она скоро изменит мир – буквально. Ладно, по меньшей мере – мой мир.

Глава 1

Прямо через дорогу от дома, где мы жили до того, как папа умер (в первый раз), есть переулок с островком газона, кустами и беспорядочно растущими деревьями. Когда я был маленьким, то называл это место «джунглями»: мне казалось, что на джунгли оно и похоже. Теперь я вижу, что это просто участок земли под ещё не построенный дом.

Здесь-то, в кустах, я и сижу глубокой ночью. На голове у меня мотоциклетный шлем, он полностью скрывает лицо, и я жду подходящего момента, чтобы проникнуть в свой бывший дом.

Рядом валяется старая бумажная коробка из-под жареной курицы; до меня доносится неприятный кислый запах – вероятно, от лисьего помёта. Дом стоит тёмный, света нигде не видно. Я смотрю вверх на окно своей бывшей спальни – маленькое окошко над входной дверью.

Днём на Честертон-роуд спокойно – маленькие дома на две семьи из красноватого кирпича вытянуты по ней в длинную дугу. Когда их только построили, домики выглядели одинаково. Но жители постепенно добавляли резные ворота, гаражи и даже – как старый мистер Фрейзер – раскидистую араукарию¹, а потому теперь каждый дом немного отличается от других.

Сейчас, почти в час ночи, на улице никого нет, а я смотрел достаточно много фильмов и телепрограмм о преступниках и точно знаю, как вести себя, чтобы не вызвать подозрений. Когда вы ведёте себя как обычно, вас никто не замечает. Если бы я нервно ходил туда-сюда по улице и осматривал дома в ожидании удобного момента, меня могли бы заметить и вызвать полицию. С другой стороны, если я просто иду по улице, в этом нет ничего особенного, и я становлюсь для людей невидимкой.

(Не снимать мотоциклетный шлем – авантюра, или «обдуманый риск», пользуясь определением моего дедушки Байрона. Если я его сниму, кто-то может обратить внимание на мой возраст – слишком юный для езды на мопеде; в шлеме же я выгляжу подозрительно. Я пока не определился, но в любом случае надолго в нём не останусь.)

Я всё продумал на пути сюда. Около года назад, когда мы ещё здесь жили, местный муниципалитет отключил каждый второй фонарь на улице. Благодаря этому эксперименту по экономии средств мне удалось оставить мопед в тёмном месте. Так непринуждённо, как это только возможно, я выхожу из кустов, снимаю шлем и кладу его в открытый багажник мопеда. Я поднимаю воротник и, не останавливаясь, перехожу улицу к дому номер сорок. Здесь я быстро миную короткую подъездную дорожку и встаю в тени – меня хорошо скрывают живая изгородь между садиками двух домов и маленькая припаркованная тут же «Шкода».

Пока всё идет хорошо: новые владельцы нашего дома ещё не успели отрегулировать гаражные ворота. Оказывается, они разболтались даже сильнее, чем раньше. Перед воротами лежит удерживающий их кирпич, и когда я приседаю и сдвигаю его, правая створка ворот распахивается и ударяется о «Шкоду». Секунду я с ужасом думаю, что не пройду в такую узкую щель, но всё-таки ухитрюсь протиснуться, и вот я уже в гараже, где пахнет пылью и старым машинным маслом. Луч моего фонарика скользит по стенам, высвечивая ещё не распакованные коробки, и по полу, где тёмные деревянные доски закрывают подвал в центре помещения.

Вот ещё один совет тем, кто планирует куда-то проникнуть: не светите фонариком во все стороны. Мелькающий свет привлекает внимание, в отличие от света неподвижного. Я ставлю свой фонарик на пол и начинаю поднимать промасленные доски.

¹ Араукария – вечнозелёное хвойное дерево. Родиной араукарии считается остров Норфолк, расположенный в Тихом океане между Новой Зеландией и Австралией. (Здесь и далее – прим. пер.)

Под ними открывается бетонная лестница; спустившись по ней, я оказываюсь в комнате с квадратный метр и вижу справа металлическую дверь высотой примерно в половину моего роста. А на ней – пыльное стальное колесо-штурвал, какое можно встретить на кораблях. Колесо прочно закреплено болтом с кодовым замком.

Я бы тихонько просвистел «фью» от изумления, но мои губы настолько пересохли от волнения и пыли, что ничего не выходит.

Я набираю на кодовом замке цифры из письма папы – день и месяц моего рождения наоборот, – берусь за штурвал обеими руками и поворачиваю его против часовой стрелки. Штурвал сопротивляется, но все же со скрипом поддается: дверь неожиданно открывается внутрь, тихо выпуская воздух.

Я хватаю фонарь и направляю его перед собой, сгибаясь, чтобы пройти в маленькую дверь. За дверью – снова ступени вниз, а на стене справа я нащупываю выключатель, но не решаюсь нажать на него: вдруг сработает сигнализация или что-то ещё, или зажжётся свет в гараже наверху, или... я не знаю что. Мне просто страшно щёлкнуть выключателем, и мой путь освещает только жёлто-белый луч фонаря.

Ступени ведут в комнату в два раза меньше нашей гостиной. Потолок здесь настолько низкий, что не каждый взрослый смог бы распрямиться.

Вдоль длинной стены стоят четыре двухъярусные кровати, они полностью заправлены: одеяла, подушки, постельное бельё. В закутке за стеной туалет и ещё какой-то механизм с трубами и шлангами. На белом бетонном полу лежат коврики, а на стене висит выцветший оранжево-чёрный постер: круглая картинка с мамой, папой и двумя детьми и надпись «Защити и выживи»² большими белыми буквами. Я уже однажды видел этот постер в школе: какой-то человек рассказывал нам о мире и ядерной войне, а Дания Бизевски испугалась и расплакалась, сильно его этим смутив.

Такие бункеры строили много лет назад, когда считали, что Россия собирается сбросить на нас атомную бомбу.

Я оборачиваюсь и вижу в луче фонаря длинный стол со стулом. На столе стоит жестяной таз – в таком вы могли бы, например, искупать собаку. В тазу лежат старый белый ноутбук «Эпл Мак»³ и компьютерная мышка. Ноутбук соединён проводом с чёрной металлической коробкой размером с небольшую книгу, а от неё отходят два метровых шнура со странными рукоятками на концах.

Рядом с тазом на столе стоит кофейная кружка с моей детской фотографией и надписью «Я люблю своего папочку», покрытая изнутри налётом старой плесени.

Здесь же лежит региональная газета «Вестник Уитли-Бэй»: она сложена вдвое и открыта на статье с фотографией моего папы под заголовком «Трагическая гибель местного жителя».

Я сажусь на крутящийся стул и вожу рукой по нижней поверхности стола, но ничего не могу нащупать. Тогда я встаю на колени и подсвечиваю себе фонариком – вот же он, конверт приклеен под столом, как папа и написал.

Но здесь нет машины времени. Во всяком случае, такой, какую я себе представлял.

И тут я внимательно смотрю на жестяной таз со всем его содержимым.

– Не может быть, – думаю я, – конечно же, это не она?

Но это она.

И знаете, что самое безумное? Она работает.

² «Защити и выживи» (англ. Protect and Survive) – информационные материалы по гражданской обороне, которые распространялись правительством Великобритании в конце 1970-х – начале 1980-х гг.

³ «Эпл Мак» (англ. Apple Mac) – ноутбук Macintosh компании Apple.

Глава 2

Неделей раньше

Вся эта история: проникновение со взломом плюс грабёж, поджог, угон мопеда и что-то вроде убийства, не говоря уже о путешествиях во времени, – началась в мой двенадцатый день рождения. В тот день у меня появился хомяк, а ещё я получил письмо от своего умершего папы.

Точнее (а точность, по словам бабушки Байрона, – это самое важное), всё началось, когда мы с мамой стали жить вместе со Стивом и Карли, Адской Сводной Сестрой. Мы съехались сразу после свадьбы мамы и Стива – самой маленькой свадьбы в мире (там были только мама, Стив, бабушка Байрон, я, АСС и тётя Элли).

Ещё точнее: началось всё тогда, когда умер папа. Но это произошло давно, и я не хочу говорить об этом – во всяком случае, пока.

Итак, двенадцатого мая мы отмечали мой двенадцатый день рождения, то есть мне исполнилось двенадцать двенадцатого. Такое совпадение случается лишь раз в жизни, и некоторым людям приходится ждать до своего тридцать первого дня рождения. Вероятно, тогда это уже не приносит столько радости.

Стив очень старается заслужить моё расположение, а потому он потратился на подарок. Я получил от него футболку игрока «Ньюкасл Юнайтед»⁴ со своим именем и возрастом на спине: «Альберт 12». Вот только все зовут меня Ал, а не Альберт, и я не особо люблю футбол. Я посмотрел несколько матчей вместе со Стивом, чтобы порадовать маму. Но, если честно, я не нахожу в этой игре никакого смысла.

– Давай, Ал, примерь её – посмотрим, как тебе! – мама улыбается слишком широко. Подарок мне не нравится, но я улыбаюсь, чтобы скрыть это, ведь Стив хотел как лучше. А Стив улыбается немного растерянно. И только одна Карли улыбается искренне: она довольна тем, что подарок мне не по душе.

Футболка великовата, так что быстро мне из неё не вырасти, – а жаль.

Мамин подарок намного лучше. Вот он на столе: большая коробка, завернутая в цветную бумагу, с лентой и бантом – будто с картинки. Я снимаю бумагу и даже *не представляю*, что может быть внутри. Надпись на коробке гласит: «Хомск – город для вашего хомяка»; на ней нарисованы тоннели, ящички, клетка и всё такое. Я уже догадываюсь о содержимом маленькой коробки в руках у мамы и ухмыляюсь во весь рот. И конечно же, это хомяк – ещё совсем маленький и очень симпатичный. У него (или неё, я пока не знаю) светло-коричневая шерстка, а ещё смешно подёргивается нос, и я его (или её) уже люблю.

Я думаю, как бы его назвать, и тут Стив восклицает:

– Я придумал ему классное имя!

– Стив, – говорит мама, – пусть мальчик выберет имя сам.

Чтобы не расстраивать Стива, я говорю:

– Всё в порядке. Что за имя?

– Алан Ширер⁵! – моё лицо ничего не выражает, и Стив повторяет: – Алан Ширер. Величайший нападающий? Лучший бомбардир в истории Премьер-лиги? – Я всё равно не понимаю. – Парень с «Матча дня»?⁶

⁴ «Ньюкасл Юнайтед» (англ. Newcastle United Football Club) – футбольный клуб из города Ньюкасл-апон-Тайн, что на северо-востоке Англии.

⁵ Алан Ширер (англ. Alan Shearer) – английский футболист, игравший на позиции нападающего. Играл за клуб «Ньюкасл Юнайтед» и был капитаном сборной Англии по футболу.

Я киваю и натянуто улыбаюсь. Хотя имя-то вроде и неплохое. Как ни крути, а настоящее имя вроде Алан Ширер лучше, чем Пушистик или Хомчик, которые пришли мне в голову. Решено: хомяка зовут Алан Ширер.

Я замечаю, что Карли уже не улыбается. Она подходит ко мне, пока я распаковываю пластиковые детали, склоняется, чтобы никому не было слышно, и шепчет:

– Хомяк? Это же просто крыса для *детшек*.

И знаете что? Мне всё равно.

Вскоре приходит дедушка Байрон. Он каждый день отвозит меня в школу, с тех пор как мы с мамой переехали к Стиву и Карли.

Я открываю дверь и вижу его: одежда цвета шафрана, заплетённые в косу седые волосы, круглые тёмные очки и массивные байкерские ботинки. В большой руке он держит мотоциклетный шлем, а в здоровой – конверт с поздравительной открыткой.

– С днём рождения, мой юный друг, – говорит он мне, и я крепко его обнимаю. Мне нравится запах дедушки Байрона – целая смесь ароматов. Мятное масло, которое он наносит на волосы. Сладкий дым сигарет биди⁷, которые он иногда покупает в ливанской закуской у выходца из Бангладеш. И его любимая лакричная зубная паста, хоть и противная на вкус, но с приятным запахом.

Обнимая дедушку, я глубоко вдыхаю его запах. Дедушка проходит на кухню.

– Доброе утро, Байрон! – приветствует его мама. – Давай заходи!

Задевая меня, Карли протискивается к лестнице.

– Привет, Байрон, – мило здоровается она. – Классно выглядишь!

Только выйдя из его поля зрения, она поворачивается ко мне, морщится и машет рукой перед носом, будто от дедушки Байрона плохо пахнет. А это вовсе не так.

У моего дедушки забавная манера говорить: индийский акцент накладывается на диалект джорди⁸ – с примесью устаревших слов и выражений. Он папа моего папы, но мой папа не особо хорошо владел местным диалектом.

Дедушка садится за кухонный стол с конвертом в руках.

– Прости, приятель, я не успел купить тебе подарок, – он качает головой на индийский манер, чтобы повеселить меня. При этом он улыбается, и я вижу его большой золотой зуб.

– Не страшно, – говорю я, доставая открытку. Из неё выпадают две банкноты по двадцать фунтов. – Спасибо. *Большое* спасибо! – я правда благодарен.

Мама говорит:

– Я рада, что ты здесь, Байрон. Пришло время отдать Алу письмо.

Она встаёт и идёт к комоду. Мама ведёт себя немного странно, будто бы радуется, волнуется и боится одновременно. Она достаёт из ящика большой плотно набитый конверт – Стив наблюдает за ней со спокойной улыбкой, а вот дедушка Байрон явно не понимает, что происходит.

– Вот, Ал. Это тебе от твоего папы, – мамино лицо становится серьёзным, а я не знаю, что сказать. – Мы нашли это письмо среди папиных вещей после его смерти. Должно быть, оно написано очень давно.

Я внимательно рассматриваю конверт в маминых руках. Выражение лица дедушки Байрона не меняется.

– Что в нём? – наконец спрашиваю я.

– Я не знаю. Это личное письмо, адресованное тебе. И я думаю, тебе стоит считать его секретным... – она помедлила, – и никому не показывать.

⁶ «Матч дня» (англ. Match of the Day) – телевизионная программа о футболе, выходит в Великобритании с 1964 года.

⁷ Биди – небольшие сигареты, которые сворачивают вручную. Популярны в Индии и других странах Азии.

⁸ Джорди – диалект английского языка, распространённый на северо-востоке Англии.

Я осторожно беру конверт и читаю витиеватую надпись. Да, это почерк моего папы и моё полное имя: Альберт Эйнштейн Хокинг Чаудхари. Под моим именем написано: «ВАЖНО. НЕ вскрывать этот конверт, пока не пройдет ШЕСТНАДЦАТЬ часов с момента получения. Вручить в двенадцатый день рождения».

Я перевожу взгляд на дедушку Байрона и спрашиваю:

– Ты знал об этом письме?

Он качает головой – что-то в этом быстром движении и в том, как сжались его челюсти, заставляет меня насторожиться. Мне даже кажется, что он немного побледнел. Мы оба внимательно разглядываем конверт.

Тем временем Стив так и сидит с глуповатой улыбкой на лице – сейчас она кажется немного натянутой, и я понимаю, что он ревнует. Он очень старается мне понравиться и сейчас не может сдержать эмоций – ведь мой папа внезапно встал между нами. Стоит ли говорить, что теперь он нравится мне чуть меньше, чем раньше?

– Я всё равно пока не могу распечатать письмо, – говорю я, перечитывая надпись на конверте.

Конечно, мне ужасно хочется его вскрыть. Но это почерк моего папы и его личная просьба – я должен проявить уважение. Всё это и так даётся мне непросто, а тут ещё и дедушка Байрон со своим каменным лицом.

– Пойдём, сынок, а то опоздаешь, – говорит он и берёт шлем с кухонной стойки. И больше не произносит ни слова до самых школьных ворот, а там спрашивает:

– Зайдёшь ко мне после уроков?

Я киваю, и он уезжает, даже не помахав мне на прощание.

Да уж, утро оказалось действительно необычным.

Глава 3

Двенадцать фактов о дедушке Байроне

1. Его полное имя – Байрон Рахмат Чаудхари-Рой, он родился в Новый год, но никогда не отмечает свой день рождения. «Зачем отмечать то, что ты стал на год ближе к смерти? – спросил он меня однажды. – В конце концов, это лишь течение времени». Дедушка всё равно дарит мне подарки на день рождения, так что вряд ли он говорил серьёзно. Ему около шестидесяти, но возраст выдаёт только то, что он почти совсем седой. Выглядит дедушка намного моложе.

2. У дедушки потрясающая память – просто *невероятная*. С десяти лет до момента отъезда в Англию он изучал техники медитации под руководством индийского гуру. Он может запомнить абсолютно всё, и даже не забывает имена никого из тех, с кем когда-то был знаком.

3. Он родился в регионе Индии под названием Пенджаб. В 1960-е годы из-за массовых беспорядков родители отправили его в Британию. То время называют «свингующие шестидесятые», но в Уолсенде дедушка ничего такого не заметил.

4. Он жил с тётей и дядей, но они давным-давно умерли, и я не знал их.

5. Дедушка женился на бабушке Джули в 1972 году. Я точно это знаю: он сказал мне, что песня «Без тебя» в исполнении Нилссона была тогда на первом месте в чартах, и я посмотрел год в Интернете. Бабушка Джули умерла до моего рождения.

6. Родители бабушки Джули не пришли на их свадьбу. Дедушка Байрон говорит, что они были заняты, но это звучит странно. Возможно, они были расистами и не хотели, чтобы их дочь выходила за дедушку Байрона. Похоже, в 1972 году многие были расистами.

7. Дедушка не всегда ходил в жёлтых одеяниях. Он и сейчас не всегда в них. Но когда папа умер, дедушка уехал. По словам мамы, на долгие месяцы. Потом он вернулся, отпустил бороду и стал носить длинную одежду. (Борода, впрочем, вскоре исчезла – дедушка сказал мне, что она чесалась.)

8. Во время работы на фабрике в Норт-Шилдсе он написал книгу. Он набирал текст вечерами на печатной машинке – это такая старая модель компьютера без встроенной памяти. Два в одном: клавиатура и принтер – крутое устройство. Никто в Англии не стал выпускать эту книгу, поэтому её издали в Индии.

9. Он повредил правую руку в результате несчастного случая. Как ни странно, это произошло из-за фейерверков. Он устанавливал для них большую металлическую конструкцию, какой-то болт был плохо затянут, и вся эта машина рухнула ему прямо на руку. Рука с тех пор почти не двигается и выглядит странно, вроде как она вывихнута. Дедушка получил небольшую страховую выплату и уволился с фабрики.

10. Он вложил часть своих денег в первый в регионе ресторан с тандури⁹ «Пряности пустыни» на побережье Кальверкота. (Ресторан всё ещё существует, но теперь им владеют бангладешцы. Дедушка Байрон однажды в шутку сказал, что теперь там готовят куда вкуснее.)

11. Он выиграл приз в конкурсе талантов на фабрике. Остальные участники выступали с песнями или рассказывали анекдоты, один парень великолепно пародировал голоса всех боссов, а вот дедушка Байрон демонстрировал трюки с памятью и выиграл! Его коллеги перетасовали колоду карт и называли их по одной, а дедушка все-все запомнил. Он сказал мне, что это была задача первого уровня сложности – значит, совсем простая.

12. У дедушки нет фотографий. Он говорит, что лучшие картинки – в его голове, а фотографировать ему просто лень.

⁹ Тандури, или тандыр – печь в форме цилиндра, обычно из глины. Родиной тандури считаются Средняя и Центральная Азия.

Глава 4

В школе всё нормально.

Мисс Генри и так всегда добра ко мне, а сегодня она улыбается и объявляет всем, что у меня день рождения. На прошлой неделе я пропустил лёгкий мяч, и Фредди Стэйворд дразнил меня: он скандировал «лузер, лузер», пока мистер Спрингхэм на него не прикрикнул. Но сегодня на ланче Фредди даже поделился со мной бисквитным пудингом. Стоит ли говорить, что я проверил пудинг на наличие плевков, волос и прочих посторонних предметов. Я съел его, только убедившись, что всё чисто.

(Кстати, в первый учебный день в школе Св. Эдди я не знал там ни единого человека. Мы переехали к Стиву и Карли на летних каникулах. Мама хотела, чтобы переезд казался мне приключением, – так обычно ведут себя взрослые. Она говорила, что у нас всё будет замечательно, а я сомневался. Сказать по правде, я и сейчас сомневаюсь. Я подозреваю – хоть и не знаю точно, – что всё дело в деньгах. Мама однажды сказала, что папа оставил нас в сложном финансовом положении. Ничего плохого о папе, кроме этого, я никогда он её не слышал.)

После ланча я сижу в маленькой нише среди верхней одежды в гардеробе – если забраться туда с ногами, меня совсем не видно. Я нашёл это место во второй учебный день в сентябре. Я ещё не знал никого в школе, но вовсе не собирался пользоваться «скамейкой дружбы»¹⁰. Тем более что мне вполне уютно среди одежды, несмотря на затхлый запах грязных резиновых сапог и кедров.

Я взял книгу о хомяках в школьной библиотеке и собираюсь её открыть. В этот момент до меня доносится голос Джолиона. Я втягиваю ноги в нишу, но слишком поздно.

– Читаешь, да? – протяжно говорит Джолион и показывает пальцем на мою книгу. Он произносит это с такой заботой, теплом и радушием, что меня бросает в дрожь. Руки предательски трясутся, а с ними и книга.

Джолион Дэнси говорит с фальшивым акцентом – что-то вроде джорди для аристократов. На *каждое* Рождество ему дарят новый горный велосипед. Его папа (которого он почти не видит) ведёт вечернее джаз-шоу на «Метро-радио» по выходным. Папу с натяжкой можно назвать местной знаменитостью, и Джолион часто этим хвастается.

Хуже всего то, что с ним общается Карли, хоть она и учится на класс старше. Она и сейчас стоит рядом и жуёт жвачку. Карли не то чтобы его девушка, но точно входит в его близкий круг – или очень хотела бы. Юбка Карли подтянута так высоко, что её почти не видно из-под выпущенной блузки. Кажется, что на ней только рубашка и колготки.

От Джолиона одни неприятности, он главный задира в классе. Но он никогда не попадает на этом, потому что ведёт себя вежливо. Он из тех, кто делает гадости с милой улыбкой.

– Читаешь! – повторяет Джолион. Он присел: его лицо уже вровень с моим, слишком близко, и он лицемерно ухмыляется – как крокодилы в фильмах о природе.

– Что у нас здесь, приятель? Книга? О, мне нравятся хомяки, а тебе, Карли? – Карли кивает. – Можно мне взглянуть?

Он протягивает руку, и я отдаю ему книгу. Джолион встаёт и читает название на обложке:

– «Разведение хомяков для начинающих», доктор А. Боргстрём, – он хмыкает. – Ты разводишь хомяков, да? Серьёзно, Альберт? – он усмехается и смотрит на Карли.

– Это просто о том, как за ними ухаживать.

– Ладно, я понял. Можно взять твою книгу? Разрешаешь?

¹⁰ Скамейка дружбы – специальная скамейка для тех, кто хочет найти друзей. На ней можно познакомиться и вступить в разговор с другими людьми. Такие скамейки ставят в детских садах, школах, церквях, парках и прочих местах.

Я чувствую приступ тошноты, а ведь он всего лишь убрал в карман пиджака библиотечную книгу. И тут Карли говорит:

– Оставь его, Джол. Не сегодня.

Джолион озадаченно молчит.

В этот момент мы слышим с другого конца коридора голос мистера Спрингхэма:

– Идите по *левой* стороне! – его тяжёлые шаги всё ближе.

Джолион возвращает мне книгу и отходит. На прощание он снова ухмыляется и подмигивает мне. *Подмигивает* – подумать только. Наверное, тоже считает *меня* лузером.

Вот какая проблема в школе: у меня здесь нет друзей. Честно говоря, проблема даже не в школе, а во всей моей жизни. Не то чтобы мне не нравились люди или людям не нравился я. Но даже когда люди ведут себя дружелюбно, они словно смотрят сквозь меня. Хорошо, что мне комфортно наедине с самим собой, иначе всё это было бы слишком грустно.

Вот, к примеру, объятия. Мне кажется, я никогда не обнимался с другом. В этом нет ничего страшного, ведь меня всё время обнимает мама, а ещё дедушка Байрон (и даже иногда Стив – это хуже, но тоже сойдёт). Но я смотрю на ребят в школе: они то и дело хлопают друга по спине и обнимаются. Вроде бы это весело.

В любом случае, как я уже сказал, в школе всё нормально.

Глава 5

Я открываю дверь своим ключом и вижу, что дедушка Байрон медитирует. Шторы в гостиной задёрнуты, тлеет ароматическая палочка, весь дом окутан запахом ладана.

Он сидит на диване: ноги скрещены, руки спокойно лежат на коленях, спина идеально прямая. Он поднимает указательный палец в знак того, что я замечен. Я рад этому, ведь порой он никак не реагирует на мой приход. Однажды мне пришлось очень долго ждать, пока он откроет глаза. Я уже сделал домашнее задание, посадил батарею своего MP3-плеера и прочитал почти всю «Дейли Телеграф»¹¹ – а он сказал только:

– О, привет, давно ты тут?

На этот раз я жду недолго. Он медленно открывает глаза и распрямляет длинные смуглые ноги.

– Ты как раз успел на масала-чай¹². Включим телик? Может, сегодня ты обгонишь этих недотёп? – его глаза улыбаются.

Он не считает участников телевикторин глупыми, просто уверен, что они не такие умные, как он. Мало кто умнее моего дедушки.

Мы сидим перед телевизором, пьём очень сладкий индийский чай и едим *бадам бурфи*: дедушка приготовил это индийское лакомство из орехов в честь моего дня рождения.

В это время всегда передают телевикторины. Обычно мы смотрим основные каналы, но если дедушке Байрону не понравится шоу, которое там идёт, он обязательно найдёт подходящее на канале «Челлендж». Ему интересны те викторины, в которых задают вопросы на общие знания. Столицы стран, иностранные президенты, даты войн, химические соединения, великие произведения искусства – в общем, вы поняли.

Сегодня мы смотрим новую программу под названием «Игры разума» на «Би-би-си два»¹³. В ней шесть участников стараются выбить друг друга из соревнования: создают альянсы и делают ставки в зависимости от своей уверенности в ответе. В этом шоу действительно сложные вопросы – по крайней мере, для меня. Именно это и нравится дедушке Байрону.

Ведущий – парень из выпусков новостей, необычно видеть его здесь в джинсах и чёрной водолазке. Он говорит очень быстро:

– Отлично, Даррен, ты в команде с Селией, давайте проверим, получится ли у вас устранить Аднана и приблизиться к главному призу? Вас ждут три вопроса о популярной музыке – тридцать секунд, время пошло. Какая песня «Битлз» последней возглавила чарты Великобритании перед их...

– «Баллада о Джоне и Йоко», номер один в течение трёх недель в 1969 году, – отвечает дедушка Байрон, не давая ведущему договорить.

– Какой альбом, выпущенный в 1982 году, стал самым продаваемым альбомом всех вре...

– «Триллер», – выкрикивает дедушка Байрон, – альбом Майкла Джексона!

– И наконец, в дуэте с каким музыкантом Алиша Киз записала хит «Настроение в Нью-Йорке»¹⁴ в 2010 году?

Это я знаю.

– Эминем! – кричу я.

Дедушка Байрон качает головой и улыбается:

¹¹ «Дейли Телеграф» (англ. The Daily Telegraph) – очень популярная в Великобритании газета, выходит ежедневно.

¹² Чай масала – напиток родом из Индии: чай, который заваривают со специями, добавляя молоко и сахар.

¹³ «Би-би-си два» (англ. BBC Two) – общественный телеканал в Великобритании.

¹⁴ (Англ. Empire State of Mind). В названии песни используется игра слов. Штат Нью-Йорк называют Имперским штатом (англ. Empire State), а словосочетание state of mind переводится как «настроение».

– Джей Зи. И было это в 2009, а не в 2010 году.

Конечно, все его ответы верны.

Он отвечает правильно почти всегда.

– Как ты это делаешь? – спрашиваю я, наверное, в сотый раз. – Откуда ты столько всего знаешь?

И он в сотый раз отвечает мне:

– Не путай знание с памятью, Ал. У меня хорошая память, потому что я её натренировал.

Но память не равна знанию; при этом ни знание, ни память не равноценны мудрости, – он улыбается мне и делает большой глоток чая.

У дедушки Байрона есть особенность: посмотрев передачу, он сразу выключает телевизор. Дома мы либо выходим из комнаты, либо щёлкаем по каналам и смотрим, что ещё идёт, но телевизор продолжает работать. У дедушки же – нет. Так и с газетой: он всегда аккуратно складывает её, прочитав статью.

Программа «Игры разума» закончилась, телевизор выключен, и мы сидим молча. Дедушка Байрон чуть заметно улыбается. Может, он доволен тем, что верно ответил на все вопросы. Или тем, что я впервые успел ответить на пару из них за тридцать секунд.

– Придёт время, и ты будешь запоминать лучше, чем я, – говорит дедушка и смотрит на меня, прищурившись. – Понимаешь, сила разума открывает тебе почти безграничные возможности, Ал. Плюс, конечно, «Дворцы памяти Шри Кальпаны».

Дедушка Байрон написал эту книгу так давно, что она уже стала раритетом. Свой экземпляр он мне никогда не показывал. Раньше он упоминал о книге только вскользь, а сейчас смотрит мне прямо в глаза и улыбается.

Он легко встаёт с дивана и не кряхтит, как другие пожилые люди. Берёт книгу с полки и вручает её мне: это очень тонкая книга в простой обложке жёлтого цвета – такого же, как его одежда. На обложке написано только название «Дворцы памяти Шри Кальпаны» и под ним имя: Байрон Р. Чаудхари-Рой.

– Я ждал нужного момента, – говорит дедушка, – но сейчас время пришло. Тебе уже двенадцать.

– Правда? То есть большое спасибо...

Он поднимает указательный палец, прерывая меня. На некоторое время его взгляд пустеет, потом он сильно моргает и говорит:

– Мы изучим книгу вместе. А пока можешь взять её с собой.

Я улыбаюсь, пожимаю плечами и отвечаю:

– Круто!

Дедушка что-то недоговаривает, но я не могу понять что. Он произнёс «тебе уже двенадцать» так, будто всё это связано: книга, письмо от папы, странная реакция дедушки на него. Долго гадать мне не приходится.

– Это письмо от твоего отца... – начинает он, не глядя на меня.

Он говорит так ровно – словно заранее репетировал. Я молча киваю и жду продолжения.

Он садится напротив и пристально смотрит на меня:

– Твой отец и я – у нас были разногласия. Насчёт его работы.

– Его *работы*?

– Не его обычной работы. Насчёт того исследования, которым он занимался в свободное время. Он рассказал мне о нём, и... я был против.

– Что за исследование? (Не забудьте: в этот момент я ещё *ничего* не знал о путешествиях во времени.)

Вместо того чтобы нормально ответить, дедушка Байрон наклоняется и берёт книгу из моих рук.

– Жизнь, Ал, – это чудесный дар: наш разум всегда должен быть открыт, чтобы сохранить для нас память о прекрасных мгновениях. Потому что люди меняются. Места меняются. Всё меняется, но не наши воспоминания. Воспринимай жизнь такой, какая она есть, Ал. Это способ жить счастливо.

Наверно, я скептически прищуриваюсь. Заметив это, дедушка Байрон глубоко вздыхает, закрывает глаза и продолжает:

– У меня в голове, в памяти, Ал, есть удивительные места. Некоторые из них похожи на дворцы, огромные и богато украшенные, другие выглядят скромнее. Но все они, комната за комнатой, переполнены воспоминаниями. Эти воображаемые комнаты разные. В кабинетах со шкафами и ящиками хранятся факты: результаты футбольных матчей, всевозможные даты, победители скачек, президенты стран. Но свои самые любимые воспоминания я бережно храню в чертогах великолепного дворца. Например, день, когда родился твой отец, нашу с бабушкой свадьбу или тот пикник под дождём в бухте Друридж пять лет назад – ты ещё тогда потерял кроксы. Я помню каждый день своей жизни с тех пор, как был примерно твоего возраста. В любой момент я могу зайти в комнату, достать воспоминание, смахнуть с него пыль, снова пережить то мгновение, а потом убрать обратно до следующего раза. В любой момент, когда только захочу.

– Ты делаешь это, когда медитируешь?

– О да. Обычно так. Я навожу порядок в своих чертогах памяти. Знаешь, ведь там тоже бывает бардак, точно как в обычных комнатах. Воспоминания могут затеряться или немного потускнеть – а я люблю держать их в образцовом порядке!

– А как всё это связано с письмом папы?

Дедушка Байрон открывает глаза и смотрит на меня так удивлённо, словно уже и забыл про письмо. Наконец он говорит:

– Я не знаю. Возможно, *никак*. Но ты всё-таки прочти книгу. Ну если сам хочешь. Конечно же, я *хочу*. Но ещё больше я хочу понять, зачем он рассказал мне всё это.

Глава 6

Я возвращаюсь домой: Алан Ширер спит, и мама говорит, чтобы я не будил его. В моей книге написано, что хомяки – «сумеречные животные». Я думаю, это значит «сонные», и я просто сижу и наблюдаю за своим хомяком. Пробую двигать детали «Хомска» рядом с ним – вдруг это его разбудит, но ничего не выходит.

Письмо от папы всё ещё лежит в моём школьном рюкзаке. Мне очень хочется достать его, но я не осмеливаюсь. Наверное, боюсь разочароваться.

Стив приходит с работы.

– Эй, чемпион, – говорит он, – классно, что тебе нравится футболка!

Я надел её, чтобы его порадовать. Ладно, на самом деле – чтобы порадовать маму. Я знаю, ей будет приятно, что я оценил подарок Стива.

Он сразу идёт к телевизору. Молодёжная команда «Ньюкасл Юнайтед» играет с какой-то европейской командой – я забыл название.

– Сынок, иди сюда – как раз начинают! – он зовёт меня, хлопая по дивану.

– Знаешь, я, наверное, ммм... Мне нужно сделать домашнее задание, – я показываю ему флешку на брелоке для ключей – на ней я обычно сохраняю школьные файлы – и, пяясь, выхожу из гостиной.

Я успеваю заметить, как вытянулось лицо Стива.

– Но это же Дортмунд! Немцы! – жалобно кричит он мне вдогонку.

Вот всегда так со Стивом. Ему явно не хватает сына, и он отвёл эту роль мне. Даже будь я его родным сыном – не факт, что я любил бы футбол, верно? Вот, например, мой бывший одноклассник Дэниел Сомерсет. Его отец блестяще показывает фокусы: на одном празднике у меня в кармане как по волшебству возник разноцветный платок. Дэниел считал это дурацким занятием, но отец на него не обижался. И даже не таскал с собой на встречи фокусников-любителей каждые выходные.

Итак, я наверху в своей комнате, лежу на кровати и пытаюсь читать книгу дедушки Байрона. Я положил письмо около будильника: шестнадцать часов истекут к полуночи.

Мне не удастся сосредоточиться на чтении. Не то чтобы книга скучная или неинтересная: просто дедушка Байрон написал её много лет назад, а потому язык сложноват. Практических трюков с памятью в книге тоже нет. Пока она меня не захватила.

Я аккуратно откладываю книгу в сторону. Я воспользовался закладкой, хотя обычно просто загибаю уголок страницы. Но это последний оставшийся экземпляр книги дедушки Байрона, так что вряд ли бы ему понравилось такое обращение.

Я снова смотрю на Письмо. Я смотрю на него целую вечность, потом беру в руки. Я лежу и раздумываю. Да, папина инструкция гласит, что нельзя вскрывать конверт, пока не пройдёт шестнадцать часов. Но разве несколько часов что-то решат?

– Ал! – кричит мама с кухни. – Ужин готов!

Я вздыхаю, кладу письмо на тумбочку у кровати и иду вниз.

По случаю моего дня рождения мама приготовила лазанью. Она пыталась дозвониться до Карли, чтобы та пришла домой к ужину, но её мобильный не отвечал. Телефон Стива сигналил новым сообщением.

– Она снова с этим Джолионом Дэнси, – говорит мама, взглянув на экран. Я не могу понять, довольна она этим или нет. – Это её бойфренд?

– Откуда мне знать? – когда речь идёт о Карли и Джолионе, я предпочитаю вести себя очень осмотрительно.

– Мне просто кажется, что она могла бы прийти на ужин в честь дня рождения сводного брата.

У меня полный рот лазаньи, так что я не отвечаю. Мама подгадала с ужином к перерыву в игре, и к нам присоединяется Стив.

– Ноль-ноль, – сообщает он.

Я хмыкаю и изображаю интерес.

Пришла пора спать, а я так и не открыл Письмо.

Но в пол-одиннадцатого я просыпаюсь: сначала Карли звенит ключами, потом они со Стивом говорят на повышенных тонах.

В двадцать три часа у меня уже кружится голова от усталости, и я не могу больше ждать. Я протягиваю руку к конверту на столике и на час раньше, чем следовало бы, поддеваю мизинцем приклеенный клапан.

Глава 7

*Дорогой Ал,
Надеюсь, нам улыбнётся удача, и тебе не придётся читать это письмо.*

Это самое странное начало письма, которое я вообще видел. Никакого «привет!» или «как дела?». Ну ладно...

Но будем исходить из того, что ты его читаешь. Я отдал письмо твоей маме – она должна вручить его тебе, когда ты подрастёшь.

Ты подождал шестнадцать часов?

Я качаю головой в ответ, будто он меня видит.

Это просто была проверка твоей силы воли. Если ты её прошёл, хорошо – тебе будет чуть проще выполнить мою следующую просьбу. Если нет – что ж, я всё равно хочу, чтобы ты попытался.

Ты читаешь это письмо, а значит, мои опасения подтвердились. Случилось то, чего я боялся: меня не будет рядом, пока ты будешь взрослеть. И я могу сделать тебе только один подарок, мой дорогой сын.

Хочу объяснить: я не боюсь умирать, но мне грустно от того, сколько всего мы не сделаем вместе.

Я не увижу, как ты пойдёшь в среднюю школу и окончишь университет, как женишься и сам станешь отцом.

Это важные большие события. Но есть и мелочи, крошечные детали, которых мне так сильно будет не хватать. Я люблю твою улыбку, наши шутки и то, как ты смеёшься над моими дурацкими историями. Я люблю вдыхать запах твоих волос, когда мы обнимаемся. И мне нравится, как ты радуешься каждому утру.

Впрочем... есть шанс, что всё это не исчезнет навсегда. Если ты будешь следовать моим инструкциям, если будешь смелым и умным – а ты такой и есть, я знаю, – то сможешь предотвратить мою смерть. Когда я пишу это, тебе всего восемь: ты пока не можешь постичь смысл того, что я хочу сказать тебе. Тебе пришлось подождать, но теперь время настало. Скоро, Ал, ты научишься путешествовать во времени.

Я прерываюсь и перечитываю. «Предотвратить смерть? Путешествовать во времени?» Да о чём это папа вообще?

Люди мечтают о путешествиях во времени с тех пор, как осознали само понятие времени. Представь себе, Ал: что, если бы мы могли заглянуть в будущее?

Или вернуться в прошлое, чтобы исправить свои ошибки?

Греки, египтяне, китайцы – все древние цивилизации стремились к этому.

Древние шумеры, населявшие территорию современного Ирака четыре-шесть тысяч лет назад, возможно, раскрыли тайну путешествий во времени. Об этом говорят клинописные таблички и другие археологические находки. Беда в том, что, даже если это не миф и они могли перемещаться в прошлое и будущее, – это было слишком давно. Их знание ушло вместе с ними.

Не так давно я сделал очень важное открытие. Я использовал современные компьютерные системы, недоступные древним людям.

Ал, ты готов путешествовать во времени?

Нет, Ал, это не научная фантастика: тебе не придётся сражаться с монстрами в далёких галактиках. Это чистая математика, но очень и очень сложная.

Я вывел формулу, которая позволяет физически перемещаться (назовём это «путешествовать») между параллельными измерениями. Такое перемещение может казаться путешествием во времени.

Заметь, что я написал «казаться».

Ты знаешь, что время «относительно» – впервые на это указал Альберт Эйнштейн. Уверен, что ты слышал об Общей теории относительности Эйнштейна. Но есть ещё и Специальная теория относительности.

Однажды ты сможешь изучить и понять их, а пока просто поверь: они невероятно сложные. Мы все признаём гений Эйнштейна, но лишь немногие могут постичь, насколько поразительны его открытия. Наш мозг и наши мысли так крепко связаны с обычной земной жизнью, что большинству людей просто не под силу дать волю воображению и осознать истинное значение теорий Эйнштейна.

Я делаю паузу и перевожу взгляд на постер, который Стив повесил мне на стену. С постера на меня безучастно смотрят игроки «Ньюкасл Юнайтед». Вряд ли они мне чем-то помогут.

Конечно, я знаю про Альберта Эйнштейна – в конце концов, меня назвали в честь него. Всколоченные волосы, густые усы – сумасшедший учёный, чьим именем в школе дразнят отличников. И да, я слышал о теории относительности, но только об одной, и совершенно не понимаю её смысла.

Представь себе золотую рыбку в аквариуме. Она может знать всё об окружающем её мире: каждый камень, пузырь воздуха или песчинку. Она даже может связывать вибрацию сверху, когда с аквариума снимают крышку, со скорым кормлением. Но она не понимает, что такое люди, машины, фруктовый смузи или победный гол. И никогда не поймёт.

Мозг золотой рыбки просто не может создать эти образы. Так и мозг большинства людей не может объять все те возможности, которые следуют из теорий Эйнштейна.

Не волнуйся, Ал, я не стану объяснять тебе понятие относительности. Даже самому Эйнштейну сложно это давалось. Лучший вариант звучал как-то так:

«Положите ладонь на горячую плиту на минуту – эта минута покажется вам часом. Посидите час рядом с симпатичной девушкой – этот час покажется минутой. ЭТО и есть относительность».

Говорил ли Эйнштейн серьёзно? Возможно, в некотором смысле. Вот что, я думаю, он хотел сказать: течение времени можно увидеть и почувствовать, а раз так, то его можно и описать. Но наша способность что-то описать не делает это реальным. Ты, без сомнения, можешь ярко обрисовать воображаемое животное, но оно не станет от этого настоящим.

«Путешествие во времени» – не лучшее определение того, что ты будешь делать, Ал. Но мы ограничены словами своего языка. «Относительное движение между измерениями пространства-времени» будет более точным, или же «Негравитационное перемещение статической материи в Мульти вселенной».

Понимаешь, о чём я? Лучшие называть это «путешествием во времени». Помнишь, как мы ездили в Сихаузес и смотрели на звёздное небо? Я ещё рассказывал тебе о том, как заглянуть на много лет назад? С той поездки прошла лишь пара недель, и я сел за письмо. Надеюсь, ты и сейчас сможешь её вспомнить.

Я на секунду откладываю письмо, закрываю глаза и вспоминаю. Мы в поле – я и папа – смотрим на звёзды. На лице у меня появляется улыбка.

А теперь читай очень внимательно. Вот что ты должен сделать.

В гараже около нашего дома есть небольшой подвал – туда ведёт лестница, закрытая снаружи досками.

Значит, он писал о нашем старом доме. Конечно, папе не приходило в голову, что мы можем переехать. Я читаю дальше, но уже боюсь не справиться с его заданием.

Это маленький узкий подвал, там ты увидишь тяжёлую металлическую дверь, а на ней – колесо-штурвал вместо ручки, как на подводной лодке. Замок открывается кодом: 5021, твой день рождения наоборот. Никто другой не знает этот код. Открой дверь и войди. Письмо номер два приклеено под столом.

Ты должен полностью доверять мне – как никому в своей жизни.

Скоро многое прояснится.

Тебя ни в коем случае никто не должен увидеть.

Твой любящий папа

P. S. У тебя есть на это всего неделя.

Я перечитываю и перечитываю письмо. На четвёртый раз происходит нечто необычное: я уже не читаю слова, а слышу, как их произносит папин голос.

Мягкий и немного хриплый, с этим лёгким акцентом, с этой его привычкой заканчивать предложения так, будто он задаёт вопрос.

Я представляю себе наш бывший дом, гараж и ступеньки в подвал.

Я лежу, уставившись в потолок, словно в транс, – сейчас я в нашем старом доме вместе с папой. Мне уже не восемь лет, я – это я сейчас, мне двенадцать, и всё же я чувствую папино присутствие и слышу его. Он дотрагивается до моей щеки и снова спрашивает:

– Ал, ты готов путешествовать во времени?

Впервые за четыре года я засыпаю на руках у папы.

Глава 8

Мне было восемь лет. На пасхальных каникулах мы с мамой и папой сняли маленький коттедж неподалёку от Сихаузеса. Это в графстве Нортумберленд на побережье, совсем рядом с Шотландией.

Папа был выдающимся инженером, но не похоже, что он много зарабатывал: мы никогда не отдыхали за границей и ездили на старой машине.

Мы втроём шли по дороге от Сихаузеса к коттеджу: было поздно, около десяти вечера, и очень-очень темно. Мы поужинали в ресторане «Магна Тандури», и папа пытался говорить с официантом по-бенгальски – без особого успеха, ведь папин бенгали сложно понять. И вот мы шли и болтали, и тут вдруг папа остановился, ахнул и восхищённо сказал:

– Вы только посмотрите, ребята!

Его взгляд был устремлён в небо – такого звёздного неба я никогда раньше не видел. Фонари не горели, а Сихаузес остался за поворотом, в миле¹⁵ от нас. Тёмно-синее, почти чёрное небо, а на нём столько звёзд, что они сливались друг с другом в сияющие кляксы.

С наступлением ночи стало прохладно, и мама поспешила в коттедж, оставив нас с папой вдвоём.

– Пойдём, – сказал он мне, – я тебе кое-что покажу.

Он перепрыгнул через заборчик, подал мне руку – и мы оказались в поле. Мы шли по чёрно-зелёной траве под светом звёзд, а потом легли рядом и стали рассматривать небо. Я почувствовал, как папа берёт меня за руку.

– Хочешь увидеть, что произошло девять лет назад? – спросил он.

– Гм... да?

– Не ролик на «Ютьюбе» или что-то подобное – здесь всё по-настоящему.

– Хорошо.

– Видишь ту звезду, самую яркую? – он указывал не точно вверх, а в сторону горизонта, на звезду, которая мерцала голубоватым светом. – Это Сириус, его ещё называют Большой Пёс. Огромная звезда, больше нашего Солнца. Она находится на расстоянии восьмидесяти одного триллиона километров от нас.

Не знаю, как вас, а меня разговоры о триллионах и подобных числах приводят в замешательство. Я не могу представить себе восемьдесят один триллион километров. Будто прочитав мои мысли, папа добавляет:

– Это восемьдесят одна тысяча миллиардов.

Легче мне не стало.

– Другими словами, почти в миллион раз больше, чем расстояние от Земли до Солнца.

Ладно, это я ещё хоть как-то могу представить. Я сжимаю папину ладонь в знак того, что мне понятно.

– Итак, Ал, свет Сириуса шёл до Земли около девяти лет. От Сириуса до тебя – девять лет. То есть ты сейчас видишь то, что было девять лет назад.

Я попытался это переварить. Кажется, я понял, но мне было всего восемь лет. Сейчас я понимаю это лучше. Папа поднимается на ноги и стоит, запрокинув голову вверх.

– Сколько их там? – спросил я. – Я про звёзды.

Пауза затянулась, и я подумал, что папа меня не услышал.

– Папа?

¹⁵ 1 миля равна 1,61 километра.

– Да-да. Я просто думаю над ответом, ведь никто его точно не знает. Мы ведь сейчас видим звёзды без телескопа? Вот таких – всего несколько тысяч. Но видишь вот там белёсую дымку? – он указал на одну из звёздных клякс. – Это Млечный Путь.

– Его назвали в честь шоколадки?¹⁶

– Вообще-то наоборот, но да, связь есть. Наша звезда, Солнце – части Млечного Пути. Мы живём на окраине галактики, поэтому можем видеть её центр. А весь Млечный Путь насчитывает примерно сто миллиардов звёзд. Все они находятся дальше, чем Сириус, а некоторые из них уже взорвались, – он поворачивается ко мне, его глаза горят в темноте, – но свет от вспышек до нас ещё не добрался! Мы видим то, что было сотни лет назад!

Папа помог мне встать. Мы оба уже тряслись от холода.

– Глядя в ночное небо, Ал, ты путешествуешь во времени.

Пока мы шли обратно к забору, папа продолжал говорить о звёздах: о том, что есть ещё миллиарды галактик, подобных Млечному Пути, – вот только я его уже не слушал. Мне не наскучило, но я повторял про себя:

– Смотреть на ночное небо – это путешествовать во времени.

И всю дорогу до коттеджа я посматривал вверх, пытаюсь заглянуть в прошлое.

¹⁶ Млечный Путь в переводе на английский – Milky Way; так же называется известная шоколадка.

Глава 9

У меня есть неделя на то, чтобы выполнить папины указания.

Целая неделя, чтобы тщательно всё обдумать и понять, насколько это катастрофически плохая идея.

На следующий день по дороге в школу я погружён в размышления. Я иду пешком: дедушка Байрон уехал в Уэльс на тренинг по медитациям. Ещё и ещё раз я прокручиваю в голове все причины не делать того, что хочет от меня папа. Вот они по порядку:

1. Как я доберусь до своего старого дома – в десяти милях отсюда по побережью – и останусь незамеченным?
2. Как я проникну в наш старый гараж?
3. Что будет, если меня поймают?

Нужно обдумать их по очереди, начиная с самой простой.

Пункт три – не проблема. Я спрашиваю себя: чем я вообще рискую? Да, я получу хорошую взбучку, но в тюрьму в двенадцать лет меня никто не посадит. Я могу притвориться, что у меня случился нервный срыв и я не отвечал за свои действия – вдруг я всё ещё переживаю потерю папы. Я помню, как в начальной школе Гектор Хоугмэн ткнул Конраду Уайли циркулем в бедро, а его *вообще* не наказали. Мама Гектора сообщила, что у него синдром дефицита внимания – он не виноват, что школа не приспособлена под его потребности. Вот и со мной всё будет в порядке.

Прямо на ходу я отрабатываю поведение при нервном срыве. Пытаюсь подёргивать левым глазом, но это слишком сложно. Куда проще высунуть язык – я даже прохожу так несколько шагов, но меня замечают десятиклассники и смеются. Думаю, с этой задачей я справлюсь.

Дойдя до ворот школы, я с облегчением мысленно вычёркиваю одну проблему из своего списка. Осталось ещё две, и они требуют внимания. К счастью, первый урок у меня – физкультура. Сегодня мы играем в крикет, а значит, будет время подумать: меня всегда ставят на дальние полевые позиции. Итак, я занимаю место настолько далеко от биты и мяча, насколько возможно. Открыто сачковать я, конечно, не могу. Я стою на позиции в стороне от боулера (точно не знаю её названия) и размышляю над проблемой номер два – как проникнуть в наш бывший гараж.

Все гаражи на улице были оснащены автоматическими металлическими воротами, но только не наш.

У нас стояли старые двустворчатые деревянные ворота с вечно сломанным замком.

Их можно было легко открыть – просто засунуть пальцы под створки и подвигать их вверх-вниз. Однажды я так и сделал, когда забыл ключи от дома и не хотел мокнуть под дождём в ожидании мамы.

Я доволен собой и уже готовлюсь вычёркнуть и этот пункт, как неожиданно слышу крики: – Ал! Ал, не подведи! Чаудхари! Лови его!

Крикетный мяч будто плывёт ко мне по небу, и я на секунду застываю в отчаянии. Я совершенно не умею ловить мяч (бросать и отбивать, впрочем, тоже). Крикет – не самая моя любимая игра. Я неуверенно вытягиваю сложенные руки в сторону летящего мяча, и...

Хлоп! Мяч приземляется *точно* в мои ладони. И даже не выпадает из них. Раздаются громкие возгласы одобрения, а Фредди Стэйворд мрачно смотрит на меня поверх калитки, кладёт биты под мышку и уходит. Мне кажется, это хороший знак, и даже мой бросок обратно боулеру не так плох, как обычно.

Больше всего меня беспокоит проблема под номером один, и я продолжаю думать над ней на сдвоенном уроке математики, во время ланча, на географии, французском и истории. Как мне добраться до своего старого дома в Кальверкоте?

Много лет назад между Блитом и Кальверкотом ходил поезд, потом его заменил автобус, но в итоге и *этот* маршрут закрыли. Сейчас туда можно добраться только на двух автобусах с пересадкой в Ситон-Слуисе – дорога занимает целую вечность. К тому же я собираюсь незаконно проникнуть в дом, а это обычно делается ночью, так что идею с автобусами придётся отменить.

Я мог бы доехать на велосипеде, вот только мой велик в прошлом году угнали прямо от дома.

Всё это время я закрываю глаза на самый главный вопрос: а вдруг ничего не получится? Я имею в виду «путешествие во времени». Конечно, я доверяю папе, но всё же... По сути он просит меня поехать в наш старый дом за десять миль отсюда, совершить проникновение со взломом, а потом прокатиться на действующей машине времени.

Классный подарок на день рождения, пап.

Но я должен это сделать, не так ли? Если есть хоть малейший шанс предотвратить папину смерть и вернуть его.

Надо признать: мой внутренний голос, обычно тихий, звучит сейчас настолько взволнованно, что меня это даже пугает.

Глава 10

После школы мы с мамой едим на кухне суп. (Суп с кокосом и сыром «Стилтон» – один из маминых экспериментов, который, сказать по правде, не удался.) Стив задерживается на работе, а Карли ещё утром сказала, что у неё сегодня хор. Это, конечно, неправда: после уроков я видел, как они с Джолионом идут совсем в другом направлении. Но я никому не скажу об этом – я не настолько глуп.

Мы ждём, пока суп немного остынет. Вот и подходящий момент.

– Мам, – я пытаюсь подобрать слова, – а у папы было хобби? В смысле, чем он занимался в свободное время? – мне нужно выяснить, знает ли мама о совершенно секретной подпольной лаборатории.

Мама задумывается и подносит ложку супа ко рту. Беззвучно глотает и отвечает:

– Э-э, да нет вроде, – это мамино диалектное «э-э» обычно вызывает у меня улыбку, но сейчас я с нетерпением жду продолжения. Она озадачена вопросом – словно никогда и не думала об этом прежде. – Твой отец был очень умным и много времени проводил в размышлениях, но...

– Ему нравилась научная фантастика и... всякое такое?

– Научная фантастика? Твоему папе? – мама даже фыркает. – Нет. Конечно, нет! Это вообще не его. Почему ты так решил?

– Да просто так, – мама смотрит на меня с недоумением, и я изобретаю на ходу: – Я вспоминал истории, которые рассказывал папа. Мне стало интересно, что он любил читать.

Мама отвечает с улыбкой:

– Детективы. Криминальные романы о реальных преступлениях. Книги-головоломки. В этом был весь твой папа: он любил разгадывать загадки и во всём разбираться.

Мы некоторое время едим в тишине. После нескольких ложек суп нравится мне уже больше. И тут меня озаряет.

– Папа когда-нибудь чинил машины?

– Когда мы только поженились, у папы был старый «Форд Фиеста», он с ним часто возился. А что?

– В гараже на Честертон-роуд?

– Нет же, мы ещё там не жили. А что такое?

– Просто там была дырка в полу для механиков – я думал, папа ею пользовался.

– Гаражная яма? Э-э, нет. Кажется, он никогда её не использовал. Мы были в этом противорадиационном убежище один раз – когда переезжали.

– Были *где?* – спрашиваю я, нахмурившись.

– Люди, у которых мы купили дом, очень боялись ядерной войны. Макфэдьены, так их звали. Грубоватые и... – она крутит пальцем у виска. – Они сделали из гаражного подвала убежище, где можно было бы скрыться от ядерной бомбы. Крошечное и неудобное. Они надеялись, что из-за него мы заплатим больше, но не вышло. Они водили нас туда при осмотре дома.

– Ты никогда мне о нём не рассказывала.

Мама пожимает плечами:

– Ты никогда и не спрашивал. Как и про чердак – а он там тоже был. Наверное, мне не хотелось привлекать твоё внимание – чтобы ты не вздумал там играть. Честно говоря, Ал, мы с твоим папой вообще не придавали этому значения.

Мама глубоко вздыхает и смотрит на меня, склонив голову набок. Сейчас она сменит тему – и я даже знаю, на какую.

– Твои одноклассники... – да, я был прав. – Не хочешь пригласить кого-то из них на чай или просто поиграть?

Мама задаёт мне этот вопрос примерно раз в месяц, с тех пор как я сменил школу. Каждый раз она искусно продумывает вариации, чтобы не показаться навязчивой. А я отвечаю одно и то же:

– Да нет, мам. Они все заняты другими делами. Знаешь, домашнее задание и всё такое.

Мама кивает и отводит взгляд. На сегодня этот вопрос закрыт. И наконец она произносит:

– То письмо от твоего папы – с ним всё нормально?

Забавный выбор слов.

– Да, всё нормально. Это личное письмо. Советы сыну от отца и... – я специально говорю это, что отвлечь её внимание, – мужские дела. Разговор мужчины с женщиной, знаешь? Всякие взрослые штуки: выпивка, девушки, наркотики...

Мама тепло и немного грустно улыбается, но больше ни о чём не спрашивает.

И это хорошо, ведь я думаю только об одном.

Убежище. Машина времени спрятана именно там.

Глава 11

Десять фактов о моём папе

1. Его звали Пифагор Чаудхари. Я предвижу ваш вопрос: кто стал бы называть ребёнка Пифагор? Вот Байрон Чаудхари-Рой, к примеру. Дедушку зовут Байрон, потому что *его* отец любил английскую классическую поэзию.

Однажды он сказал мне:

– Могло быть и хуже, Ал. Меня могли назвать в честь Элизабет Браунинг¹⁷.

Я засмеялся, хотя и не знал тогда, кто такая Элизабет Браунинг. В общем, папа называл себя Пай и иногда шутки ради подписывался греческой буквой «пи». Вот так: π. Его сестру зовут Гипатия¹⁸, она живёт в Канаде. Я видел её лишь однажды. На самом деле дважды – если считать тот раз, когда ей было пять, но об этом позже. Папа говорил, что Гипатия – «мать современной математики». Та, первая Гипатия, конечно, а не его сестра. Его сестра работает агентом по недвижимости.

2. Он очень сильно меня любил. Мама постоянно говорит мне об этом – должно быть, это правда.

3. Его любимое блюдо – фиш-энд-чипс¹⁹ с маринованным перцем чили. Он говорил маме, что это идеальный англо-индийский союз – точно как у них. Правда, папа был индийцем только наполовину, ведь бабушка Джули родом из Уэльса.

4. Он был очень-очень умным. Однажды он собрал в гараже посудомоечную машину из старых деталей. Она не слишком хорошо работала, но мама не стала его этим расстраивать.

5. Папа с мамой познакомились, когда он учился на доктора в университете. Не на врача, а на доктора технических наук. Так называют человека, который окончил докторантуру. То есть он был доктор Чаудхари, но никогда так не представлялся – вдруг люди подумают, что он врач и сможет их вылечить. Мама работала в университетском книжном магазине.

6. Он не был особо привлекательным внешне. Я знаю: звучит не очень, но это так. Не то что страшным, не как папа Тары Симмонс, – он был просто... обычным. У нас осталось много фотографий и видео с ним. Худощавый, с шапкой чёрных волос (мама называет эту причёску «птичье гнездо») и немного заострённым носом. Зато вы сразу заметили бы его улыбку. Мама говорит, что в неё она и влюбилась. Пока мама не начала встречаться со Стивом, у нас на каминной полке стояла фотография: папа на ней широко улыбался в камеру. С улыбкой он был даже симпатичным – вид портил только кривой нижний зуб. Мне нравилась та фотография: жаль, что мама убрала её. Наверное, она думала, что я не замечу.

¹⁷ Элизабет Браунинг – английская поэтесса XIX века.

¹⁸ Гипатия Александрийская – очень известная женщина-учёный Древнего мира: она была философом, математиком и астрономом.

¹⁹ Фиш-энд-чипс (англ. Fish and Chips) – традиционное английское блюдо: рыба, обжаренная в кляре, с ломтиками картошки фри.

7. У папы действительно не было обычного хобби вроде футбола или рыбалки. Ему нравилось заниматься компьютерами. На работе он писал программы, помогавшие другим программистам писать *их* программы.

8. Он умер четыре года назад, когда мне было восемь. Я старался всё это забыть, но ещё помню и скорую помощь, и то, как меня отправили пожить с тётёй Элли. Все говорили, что я «стойкий», но несколько дней я просто не мог плакать – а когда наконец смог, начинать было уже поздно.

9. Папа умел петь песни на пенджаби. Одной из них он обучил и маму, и родители пели мне её на ночь. Но после его смерти мама никогда больше её не пела. Не так давно я спросил у неё, и она сказала, что забыла слова, но я не особо этому верю.

Здесь всего девять фактов, но мне больше ничего не приходит в голову. Это очень плохо? Порой мне становится страшно: я забываю, каким был мой папа.

Глава 12

Вот поставьте себя на моё место.

Неделя почти прошла, а я всё ещё не знаю, верить ли папиному письму. Вы бы поверили?

Я думаю обо всём этом – во что мы верим и почему, – и мне в голову приходит кое-что, от чего я перестаю колебаться и сомневаться. (А сомнения меня одолевают – прошлой ночью я почти не спал. Наш классный руководитель мисс Генри даже попросила меня задержаться после уроков и спросила, всё ли в порядке.)

Знаете, моя мама верит в призраков, хоть и говорила мне, что их не существует.

Я вспомнил об этом, размышляя над папиным письмом. А потом вспомнил книгу, которую однажды читал, под названием «2001: Космическая одиссея». Все знают этот фильм, но есть ещё и книга. Её автор предсказал кучу всего, что потом случилось: появление спутников связи и мобильных телефонов, высадку людей на Луну. И вот в этой книге говорится, что «за каждым ныне живущим человеком стоят тридцать призраков». То есть на каждого тогда жившего человека приходилось тридцать, умерших за всю историю.

Книга была написана в 1968 году, когда численность мирового населения была вдвое меньше сегодняшней. Сейчас бы автор написал: «За каждым ныне живущим человеком стоят пятнадцать призраков».

Это значит, что за всё время существования человечества на Земле умерло больше ста миллиардов человек. Интересно, что, по словам папы, именно столько звёзд насчитывает Млечный Путь.

Я не думаю, что Артур Ч. Кларк, написавший эти слова, верил в призраков. Во всяком случае, в настоящих призраков из страшных историй – тех, которые обитают в заброшенных домах. Папа в них тоже не верил – мы говорили с ним об этом. Дословно он сказал, что это «слишком маловероятно». Он часто говорил так о том, чего, по его мнению, не существовало, но этого никто не мог доказать.

Слишком маловероятно. Классная фраза.

Ведь вы же не можете доказать, что призраков *не* существует, верно?

Вы можете только утверждать, что их существование слишком маловероятно.

Мама не была столь же осмотрительна в выборе слов. Когда я был маленьким, мне приснился плохой сон. Тогда я решил, что у нас на чердаке завёлся призрак, а мама чётко и понятно объяснила мне, что призраков не существует – они живут только в нашем воображении.

Поэтому я не верил в призраков. Я любил посмеяться над историями о сверхъестественном в «Скуби-Ду». Да, призрак в рождественском спектакле однажды порядком напугал меня, но я всё равно знал, что он – ненастоящий.

Но после того как папа умер, что-то в маме изменилось.

Вскоре – может, через месяц – после его смерти я случайно подслушал разговор мамы с тётёй Элли.

Мы ещё жили на Честертон-роуд в Кальверкоте. Я не мог уснуть и встал попить воды – они разговаривали в гостиной, и я остановился на лестнице, чтобы послушать.

– Ладно тебе, Сара, – успокаивала маму тётя Элли.

– Нет, я видела, Элли, видела его очень чётко. Он стоял прямо здесь. Деннис Харрисон, ритуальный агент, сидел там, где сейчас сидишь ты, а Пай прошёл в дверь, взглянул на меня, на Денниса. Он будто произнёс: «Нет!» одними губами и бесшумно удалился.

– А ты что?

– Да я просто оцепенела. Я не отводила глаз от двери – Деннис спросил меня: «Что случилось?» И я сказала: «Здесь был Пай, я видела его!» Он спокойно кивнул: «Многие говорят о подобном».

– И всё?

– И всё. Он абсолютно не был похож на призрака.

– Во что он был одет?

– Ты хочешь спросить, была ли на нём простыня? Нет, Элли, на нём была обычная одежда. Его джинсы, хлопковая рубашка – голубая в клетку, помнишь её? Его любимая.

– Дорогая, послушай, тебе тяжело, и я думаю...

– Элли, только не говори, что у меня разыгралось воображение. Это было *по-настоящему*, он был *здесь*. Вот прямо здесь!

– Хорошо, был – значит, был.

– И прекрати говорить со мной так снисходительно.

Разговор прервался, а потом я услышал:

– Ал? Это ты там?

Но когда мама подошла проверить, я уже успел вернуться в кровать.

Я не стал после этого верить в призраков. Но вдруг мама видела не призрака?

Что, если она *действительно* видела папу, который пришёл из прошлого? Другими словами, вдруг папа переместился из того времени, когда был ещё жив, в то время, когда уже умер? И совершенно случайно попал на обсуждение своих собственных похорон?

Я знаю. Слишком маловероятно. Но всё-таки это подталкивает меня к решению, которое я должен принять. Пусть даже *я до сих пор* не знаю, как добраться из Блита в Кальверкот ночью.

Я сделаю это. Я выполню инструкции своего папы и совершу путешествие во времени.

Хоть я и не уверен, что это хорошая идея.

Всё ещё не уверен.

Глава 13

Утром дедушка Байрон заехал за мной на десять минут раньше, поэтому мы оказываемся в школе самыми первыми. Дедушка не торопится, мы стоим и болтаем, облокотившись на низкую школьную стену. Он зажигает биди. Сегодня он в джинсах, массивных ботинках и кожаной куртке – в такой одежде, да ещё и со своей седой косой он похож на крутого старого «Ангела ада»²⁰ из американских фильмов. Вот только его мопед – очень маленький, на пятьдесят кубов и лилового цвета. Его предел – тридцать миль в час, даже меньше, если ехать вдвоём.

Однажды дедушка разрешил мне прокатиться без него по маленькому переулку. Он показал, как завести мопед и как поворачивать ручку, чтобы им управлять. Он бежал рядом со мной до конца переулка – это было очень круто.

Я чувствую приятный фруктовый аромат биди. Дедушка видит, как я принохиваюсь, и улыбается.

– Манго, – говорит он. – Я предпочитаю ванильные, но у База они закончились.

Баз – это хозяин табачной лавки.

– Ты всегда их курил? – спрашиваю я.

Он задумывается, прежде чем ответить:

– Конечно, нет. Твоя бабушка Джули не любила этот запах.

– А мне он нравится.

– Да, мне тоже, но когда ты любишь кого-то, то готов идти на компромисс. А потом она умерла... – он замолкает и делает затяжку.

Я знаю о бабушке Джули, но она умерла много лет назад от «родовых осложнений» после рождения тёти Гипатии. Я точно не знаю, что это значит, но так сказал дедушка Байрон. Я видел фотографию бабушки Джули у папы: она была очень милой, и я уверен, что полюбил бы её. После смерти бабушки дедушка Байрон, Гипатия и папа ещё долго жили в том же доме в Кальверкоте. (Дедушка перебрался в Блит гораздо позже, а потом и мы с мамой переехали почти туда же).

И тут дедушка задаёт мне вопрос, которого я ждал:

– Ты уже начал читать книгу? – он говорит так спокойно, словно ему совершенно всё равно – но я знаю, что это не так. А я почти и не брался за чтение.

– Да! – отвечаю я слишком поспешно, но больше ничего не говорю, поэтому моё «да» повисает в воздухе между нами. Дедушка смотрит на меня и ждёт продолжения.

– Она... классная, просто... местами не очень легко читается.

Дедушка улыбается. Фух.

– Некоторые вещи требуют немного усилий, Ал, приятель. Ты же хочешь узнать, как я запомнил всё, что помню? Да, это потребовало усилий. Но это легче, чем ты думаешь. Сколько ты уже прочёл?

– Несколько страниц.

– Продолжай читать, мой друг. Оно того стоит.

Дедушка Байрон отходит от стены, чтобы выбросить окурочек биди в урну. В этот момент из-за угла показывается Джолион Дэнси.

– Эй, кого я вижу! Дай пять, дружище!

Я поднимаю ладонь, и он с такой силой хлопает по ней, что я морщусь от боли. И тут Джолион замечает дедушку Байрона и сразу отходит, не говоря больше ни слова.

– Кто это был? – с подозрением спрашивает дедушка. Ему явно не понравилось то, что он увидел.

²⁰ «Ангелы ада» (англ. Hell's Angels) – очень крупный и известный по всему миру мотоклуб.

– Это, хм, Джолион Дэнси. Парень из моего класса.

Дедушка натянуто улыбается, медленно качает головой и осёдлывает свой мопед (для этого ему приходится немного присесть). Он подмигивает мне и уезжает. Я смотрю, как его мопед тарахтит по дороге, и что-то во мне переворачивается.

Жаркая волна стыда поднимается от моей ещё красной ладони вверх к лицу, и глаза наполняются слезами. То, что сейчас случилось, отвратительно, ведь из меня сделали посмешище. И дедушка Байрон сразу понял это. А я увидел по его лицу, что он понял. Я ненавижу себя за то, что терплю такие вещи. За то, что у меня не хватает мужества это остановить. А ещё больше я ненавижу себя за то, что не следую папиным указаниям, сомневаюсь и мешкаю.

Но зато теперь я знаю, как доберусь от Блита до Кальверкота.

Глава 14

Сегодня ночью.

Сегодня ночью мне нужно выбраться из дома (и не попасться при этом), а затем проехать десять миль по побережью до нашего бывшего дома в Кальверкоте.

Есть несколько причин, по которым это почти невозможно:

1. В доме всего три спальни. Спальня мамы и Стива – прямо напротив моей, а спальня Карли чуть подальше. Выскользнуть из комнаты незамеченным будет сложно.

2. У мамы очень чуткий сон. Если я встаю ночью в туалет или попить воды, она всегда тихо окликнет: «Всё в порядке, милый?» (Зато Карли обычно спит очень крепко.)

3. Потом нужно будет выйти из дому. Замок входной двери шумно лязгает, а ещё внизу на ней есть засов, который тоже тихо не откроешь. Можно было бы попробовать заднюю дверь, но она тугая и громко хлопает.

Получается, что выход через переднюю или заднюю двери – плохой вариант. Остаётся ещё окно моей спальни, но выйти через него я могу только с помощью лестницы, которой у нас нет. Так как же быть?

Если я как-то разберусь с этой невыполнимой задачей, меня будет ждать следующая: придётся угнать мопед дедушки Байрона.

Это, конечно, будет легче, чем выбраться из дома. Я уже нашёл запасной ключ от мопеда. Его и искать не пришлось – он висел вместе с другими ключами на крючке у дедушки на кухне. Я взял его сегодня днём во время рекламной паузы в «Играх разума», и он лежит сейчас у меня в кармане.

Мне нужно пройти ещё по нескольким пунктам:

1. Одежда. Дедушка Байрон говорит, что на мопеде можно замёрзнуть, поэтому я тепло оденусь и возьму зимнее пальто. Запасной шлем лежит в открытом багажнике мопеда. Шлем оснащён тёмным защитным стеклом – оно скроет, что за рулём ребёнок.

2. Маршрут. Это просто: я знаю дорогу.

3. График. Мама и Стив почти всегда уже в десять тридцать готовятся ко сну. Они смотрят новости по телевизору, потом идут наверх, чистят зубы и в одиннадцать гасят свет. Стив – самый настоящий жаворонок, он ставит будильник на шесть утра; у меня будет достаточно времени, чтобы всё успеть. Остаётся всё та же проблема: у мамы очень чуткий сон.

4. Карли ложится примерно тогда же, но ещё смотрит видео и сидит в Интернете – на ней всегда наушники, так что тут всё в порядке.

5. Снаряжение: фонарик и новые батарейки.

Стоит только задуматься над тем, ради чего всё это, как сразу колотится сердце и сосёт под ложечкой. Лучше сосредоточиться на текущей задаче: как выбраться из дома.

Сейчас десять тридцать: с первого этажа до меня доносится музыка в финале выпуска новостей. Я понял, что других вариантов нет: мне придётся выходить через переднюю дверь. Я сделаю это очень-очень медленно и тихо. Вечером я старался вести себя как обычно, но мама явно что-то чувствует. Она спросила:

– Милый, у тебя всё в порядке? – и я ответил:

– Да, я просто немного устал.

Обычно это срабатывает, когда я не хочу о чём-то разговаривать. Теперь у меня был хороший повод пойти в кровать пораньше, а для верности я ещё и сладко позевал.

И всё равно мама смотрела на меня странно.

Я поднялся к себе в комнату, но не стал переодеваться для сна, а сменил школьную форму на джинсы и тёплый свитер. Лёжа на кровати, я слушаю, как мама и Стив готовятся ко сну. И вдруг дверь в спальню тихо открывается: это мама. А я полностью одет. Я только успеваю схватить и натянуть одеяло до подбородка, как мама подходит к моей кровати и садится на край. Она гладит меня по волосам, как в детстве. Обычно мне это нравится: я чувствую аромат её крема для рук и считаю новые седые волосы у неё на голове. Но сейчас я мысленно кричу: «Уходи! Уходи!»

Мои глаза плотно закрыты – я изо всех сил делаю вид, что сплю. Кажется, проходит вечность, но наконец мама наклоняется, целует меня в лоб и встаёт. Какое-то время она стоит около кровати, глядя на меня, а потом выходит из спальни. Говорю вам – она что-то чувствует.

Уже одиннадцать тридцать, и в доме всё затихло. Мне кажется, я ни разу не пошевелился с тех пор, как мама вышла из комнаты. Я вылезаю из-под тёплого одеяла и на цыпочках иду к двери. Стив храпит – не слишком громко, но мне слышно. А вот мама никогда не храпит – остаётся только надеяться, что она тоже уснула. Если Карли не спит, под её дверью виднеется полоска света, но сейчас там темно.

Всего три шага до лестницы, но они занимают у меня тридцать секунд: после каждого шага я замираю и прислушиваюсь – вдруг кто-то проснулся.

По ступенькам я иду ещё медленнее. Третья и пятая сверху скрипят, я аккуратно перешагиваю через них – и вот я внизу.

Медленно-медленно я отодвигаю нижний засов на входной двери. Медленно-медленно открываю замок. Потом хватаю с вешалки шарф и накидываю его на замок как раз перед щелчком – звук приглушён, и я на улице.

Через десять минут я около дома дедушки Байрона. И вот он, мопед: лилово-серебристый, заляпанный грязью – я так волнуюсь, что едва дышу. Я снимаю его с подставки и качу по дорожке, шлем уже на мне. Будет лучше докатить мопед до конца улицы и только потом заводить – чтобы узнаваемый скрипучий звук двигателя не разбудил дедушку. Дедушка называет его «гортанный». Если «гортанный» – это как старушечий кашель, то он прав.

На углу Перси-роуд я вставляю ключ зажигания и поворачиваю его, удерживая при этом тормоза – как показывал дедушка. Двигатель заводится, я нервно оглядываюсь по сторонам: на улице ни души, только в нескольких окнах горит свет. Я чувствую запах выхлопных газов, в полной тишине двигатель шумит просто оглушительно, так что пора ехать. Я сажусь на мопед, отпускаю тормоз, поворачиваю правой рукой ручку газа и выезжаю в сырой ночной воздух, подсвеченный жёлтыми пятнами фонарей.

Глава 15

Шум двигателя сливается со свистом встречного ветра – шлем приглушает все звуки. Зато я слышу своё частое дыхание, когда стрелка спидометра указывает сначала на 20 миль в час, потом на 25, а потом я сбрасываю скорость перед перекрёстком. Справа приближается машина.

– Уступи дорогу транспорту справа, – говорю я вслух, останавливаюсь и пропускаю машину. Водитель даже не смотрит на меня.

Я еду дальше: перекрёсток остаётся позади, уже скоро съезд на прибрежную дорогу. Я нащупываю рычажок большим пальцем и сигналию правым поворотником. Даже в полночь на прибрежной дороге много машин. Я смотрю только вперёд и очень напряжён – особенно когда меня кто-то обгоняет. Постепенно здания вдоль дороги редуют. У меня болит уже всё тело, а по спине катятся капли пота, несмотря на холодный ветер.

Через пару миль нет уже ни машин, ни оранжевых фонарей – есть только я и мой мопед. Я еду в островке белого света от передней фары, всё остальное вокруг освещает лишь луна. Забавно, я много раз ездил ночью в машине, но пассажиром, которому можно крутиться и смотреть во все стороны. За рулём так нельзя – почти всё время нужно смотреть только вперёд. А ещё фары встречных машин ослепляют, и потом глазам нужно снова привыкать к темноте.

Слева от меня серебрится в свете луны море. Потом дорога начинает петлять между холмов, и моря становится не видно, но в какой-то момент то ли холмы заканчиваются, то ли дорога поворачивает – и вот снова море. Мне нравится море – серебряно-чёрное, оно успокаивает меня. В одном месте дорога проходит над пляжем: я вижу белую линию пены там, где волна накатывает на песок. Я не слышу шума прибоя, но чувствую морской запах водорослей и соли.

Я хотел бы узнать, сколько сейчас времени, но не решаюсь оторвать руку от руля и посмотреть на часы. Кажется, что я еду слишком долго, у меня уже затекли ягодицы, я проехал несколько миль на самой высокой скорости – и вот наконец появляется белый купол «Испанского города» в Уитли-Бей. Папа говорил, что раньше там был танцевальный зал, потом аттракционы; что там сейчас – я не знаю. Кальверкот находится сразу за Уитли-Бей, они буквально переходят друг в друга.

Спустя десять минут я въезжаю в Кальверкот. Я испытываю смешанные чувства: счастье, облегчение, страх. И ещё мне немного грустно видеть все эти знакомые места: кафе, где мы отмечали мой шестой день рождения, или дом Оскара Рудда – он был моим лучшим другом в начальной школе. Он уехал в Швецию, когда мы были в четвёртом классе. Оскар обещал часто писать мне по электронной почте, но с тех пор я о нём почти не слышал.

И вот я на нашей бывшей улице Честертон-роуд перед своим бывшим домом номер сорок. Я останавливаюсь чуть дальше по улице, глушу мотор, привыкаю к тишине и разминаю онемевшие руки. Теперь мне остаётся только проникнуть в дом – и об этом я вам уже рассказывал. Меньше чем через пять минут я уже смотрю на папину машину времени – жестяной таз и ноутбук. И думаю:

– Конечно же, это не она?

Как я уже говорил, я ожидал увидеть чуть более сложную конструкцию. Чуть более? *Гораздо* более.

И теперь я стою и держу в руках второе письмо, которое, как вы помните, было приклеено под столом в подвальном убежище, которое освещено только моим фонариком, и мне страшно даже пошевелиться.

Я старался сохранять спокойствие и делать всё, что нужно. Мне кажется, я даже был готов опробовать машину времени, но её здесь нет – по крайней мере, нет ничего, что *выгля-*

дело бы как машина времени, – и я разом осознаю, как сильно рисковал. До меня вдруг доходит, насколько здесь темно и тихо. Я слышу собственное дыхание – то, как резко и хрипло я втягиваю воздух, и даже, кажется, могу услышать, как бьётся моё сердце.

Я думаю только об одном: я хочу вернуться домой.

Глава 16

Способность шевелиться и нормально дышать возвращается, и я быстро выхожу из подвала. Я закрываю за собой тяжёлую стальную дверь и прокручиваю колёсики кодового замка. Мне всё ещё очень страшно, что меня поймают, и я двигаюсь плавно и тихо. Я прикрываю спуск в подвал досками и выскальзываю из гаража – надо не забыть положить кирпич обратно к створкам ворот. Я стараюсь держаться в тени и тороплюсь к мопеду. Всакиваю на него, проношусь по городу и выезжаю на прибрежную дорогу. Голова идёт кругом от того, что я сделал так недавно. Луна поднялась выше и светит ярче, чем по пути сюда. Теперь мне даже жарко. На окраине Блита неподалёку от линии пляжа – серебристо-серого в лунном свете – я останавливаюсь и снимаю шлем. Прохладный бриз обдувает мои мокрые от пота волосы.

Я замечаю фары приближающейся машины. Поворачиваюсь посмотреть и слишком поздно вспоминаю: мне нельзя открывать своё детское лицо. Теперь кроме фар я вижу ещё один фонарь – на крыше автомобиля. Пока полицейская машина проезжает мимо, я надеваю шлем и снова завожу мотор.

На всякий случай я сворачиваю на перекрёстке влево – на жилую улицу, которая отходит от прибрежной дороги. И не зря: в зеркале заднего вида загораются красные стоп-сигналы полицейской машины – она разворачивается, чтобы ехать обратно. Чтобы ехать за мной.

В отчаянии я выжимаю скорость на максимум, и маленький двигатель взывает в знак протеста. Я, конечно, понимаю, что не смогу обогнать патрульный автомобиль. Я оглядываюсь: машина поворачивает на мою улицу, водитель жмёт на педаль газа, двигатель рычит.

Машина приближается ко мне слишком быстро – её синий фонарь мигает, но сирены пока не слышно. В конце улицы дома стоят широким полукругом – это тупик. Я в западне, нужно тормозить, иначе я рискую врезаться в низкую садовую ограду. И тут я замечаю узкую тропинку между двух домов.

Я с глухим стуком заезжаю на тротуар, чуть не опрокинув мопед, и мчусь к тропинке. Патрульная машина резко останавливается: визжат тормоза, хлопают двери, я слышу за спиной топот бегущих ног.

В начале тропинки, ровно по центру, стоит металлический столб – я сильно рискую, но всё-таки ухитряюсь проехать, всего лишь оцарапав заднюю часть мопеда о стену. Мне удалось оторваться. Я осмеливаюсь оглянуться: два полицейских бегут обратно к машине, чтобы перехватить меня на следующей улице.

Я съезжаю с тропинки, даже точно не зная, где нахожусь. Сворачиваю направо почти наобум – кажется, в сторону нужной улицы. Я в панике и с трудом дышу.

Теперь налево: я услышал полицейскую сирену. Патрульная машина в погоне за мной выезжает на главную улицу. Всё-таки они меня заметили. К счастью, я узнаю улицу: ещё один поворот направо, вот лавка База на углу; сирена всё ближе. Не сбрасывая скорость, я подъезжаю к дому дедушки Байрона. Двигатель гудит слишком громко в ночной тишине, но я совершенно забыл, что будить дедушку нельзя, настолько боюсь попасться полиции.

Я сворачиваю на дедушкину подъездную дорожку, моментально глушу мотор и гашу фары, толкая мопед вперёд.

Сирена внезапно затихает.

Мне очень страшно. Я сижу на земле, весь дрожу и не могу отдышаться. Ни меня, ни мопед почти не видно с дороги, по которой еле ползёт патрульная машина. Полицейские внимательно смотрят по сторонам – я съёживаюсь и практически вжимаюсь в стену.

Но они проезжают мимо, и я выдыхаю. Но всё равно лишь через двадцать минут мне удаётся встать, поспешно добраться в темноте до дома, подняться по лестнице и рухнуть в кровать.

Мне хочется плакать, но есть дела поважнее. Я достаю из кармана письмо – то, что было приклеено под столом в подвале.

Глава 17

Дорогой Ал,

у тебя было достаточно времени, чтобы обдумать моё предыдущее письмо, и есть два варианта развития событий:

1. Ты решил, что твой папа сумасшедший, и рассказал о письме маме или полиции, учителю или другу Жаль, если так, – значит, я плохо тебя знаю. Но это моя ошибка, а тебя я не виню.

2. Ты сделал то, о чём я попросил. Надеюсь, это наш вариант.

Ты справился за неделю, как я просил? Полагаю, что да, и продемонстрировал при этом настоящее мужество. Я специально ограничил срок, для проверки. Ведь было бы проще ждать подходящего момента, ждать и ждать, а в итоге так ничего и не сделать. Я обещаю, Ал: большие никаких проверок. Следующая задача и без того будет невероятно сложной.

Наверное, ты очень напуган. Это нормально. Думаю, я был бы напуган не меньше твоего. Бойся: тогда ты постоянно будешь начеку. Если ты будешь начеку, то не совершишь ошибку. А если ты не наделаешь ошибок, то всё пройдёт хорошо.

Люди всегда мечтали, Ал, о путешествиях во времени – в будущее, прошлое или даже в обе стороны. (Помнишь, когда ты был помладше, мы ходили на спектакль по «Рождественской песни» Чарлза Диккенса? Там Скруджу показывают праздник Рождества в его прошлом и будущем. Кажется, тебе было страшно!)

В последнее время мы грезим о великопепных механизмах, которые будут делать за нас всю работу. Обычно мы представляем себе огромный космический корабль – он несёт нас сквозь столетия со скоростью большей, чем скорость света.

В этом-то и проблема, Ал.

Ведь ничто не может двигаться быстрее, чем свет. Сколько бы ни было энергии в любом источнике, давно используемом или ещё не открытом, – она не сможет обогнать луч света. Если бы это было возможно, то отменило бы все известные нам законы физики. Это значило бы, что физические законы, проверенные веками, – ошибочны.

А мы знаем, что это не так.

Это значило бы, что ошибочны и теории Эйнштейна, но старик Альберт всё ещё смеётся последним над каждым, кто пытается его переиграть. Безусловно, в наших знаниях есть пробелы – но все новые открытия, которыми мы эти пробелы восполняем, доказывают правоту Эйнштейна.

Бозон Хиггса? Готов поспорить, что его скоро откроют. Многие люди работают над этим, ведь эйнштейновская теория его подразумевает.

Инфляционная модель Вселенной? Думаю, скоро докажут и её. Это Эйнштейн тоже предсказывал.

(Нет, я не знаю, что такое бозон Хиггса, но его точно уже обнаружили. И про инфляционную модель Вселенной я что-то слышал в новостях. Bravo, Эйнштейн!)

«Скорость света, – сказал Эйнштейн, – это предельная скорость во Вселенной».

Эйнштейн подозревал, что наше линейное восприятие времени – от минуты к минуте, от года к году – не единственно возможный вариант. На самом деле всё может происходить параллельно, а ощущение времени относительно – то есть существует только в нашем сознании. Помнишь его слова о ладони на горячей плите?

То, что мы осознаём как последовательные события, которые идут одно за другим, может быть просто увеличением бесконечного числа измерений, которые происходят одно-

временно. Ключ к перемещению между ними может быть не в источнике сверхэнергии, позволяющем двигаться со сверхсветовой скоростью, а в математической формуле.

Я знаю, всё это сложно постичь. Не забывай: мы – как золотые рыбки!

Я откладываю письмо и вздыхаю. Кажется, я вообще ничего не понял. А я ведь знаю, что папа старался писать простыми словами.

Вы помните, как изучали умножение в начальной школе? Учитель не спрашивал просто: «Сколько будет пятью четыре?» – а говорил яснее: «Есть пять собак, у каждой – по четыре лапы; сколько всего лап у собак?» И тогда вы лучше понимали математику. Так объясняет и мой папа, а до меня всё равно не доходит.

Я тру глаза и продолжаю читать.

Пока тебе хватит этой информации. Всё остальное ты поймёшь, когда включишь ноутбук.

Это, если ты вдруг не догадался, и есть машина времени.

Она появилась в подвале не сразу, Ал. Я не вставал среди ночи, чтобы прокрасться в тайную подпольную лабораторию. Большую часть работы я делал перед экраном компьютера у нас дома, в кругу семьи.

Расчёты, написание кодов, ещё расчёты...

Когда я убедился, что вывел верную формулу, то вспомнил о бункере. Я установил там необходимую аппаратуру, пока вы с мамой гостили у тёти Элли.

Всё готово: ты можешь отправиться в то время, когда я был ещё мальчиком, и спасти мне жизнь. Пусть сейчас эти слова звучат странно – скоро они обретут смысл.

Теперь дело за тобой, Ал. Отправляйся к ноутбуку и включи его.

Дальнейшие инструкции последуют. Увидимся в 1984 году!

Твой любящий папа. Целую

Глава 18

Я перечитал письмо три или четыре раза. В щёлку между шторами уже пробивается бледный свет.

Я зеваю, но не могу уснуть. У меня в голове шумит: я слышу папин голос. Если закрыть глаза, будет не так грустно: можно даже представить, что он здесь, со мной. Он сидит на кровати рядом – он правда здесь, хотя, конечно, его тут нет. Но я чувствую его запах и улыбаюсь...

...Близилось Рождество, и друзья родителей – Питер, Анника и другие – пришли к нам на ужин. Мне разрешили посидеть с гостями подольше и даже открыть для них бутылку вина. Питер подарил мне двухфунтовую монету, и я отправился в кровать. Но когда папа заглянул ко мне, я ещё не успел провалиться в сон и открыл глаза.

– Привет, – ласково сказал папа и кивнул мне. Он улыбался своей кривоватой улыбкой.

Я улыбнулся в ответ и сонно проговорил:

– Привет.

Мне нравилось, когда папа приходил и сидел рядом со мной на кровати. Я точно знал, как правильно себя вести. Если я был слишком бодрым, папа мог рассердиться и предложить мне включить свет и почитать, пока не начнёт клонить в сон. Но если я притворялся сонным, папа мог сесть ко мне на кровать, погладить по голове и поболтать со мной – особенно если выпил вина.

Я подвинулся, чтобы он мог сесть рядом. Снизу послышался залиvistый хохот Анники. Я улыбнулся папе, а он – мне.

– Расскажи что-нибудь, – попросил я.

У папы всегда была в запасе куча историй. Он дополнял их интересными деталями и озвучивал разными голосами – и знакомые истории играли по-новому. Я мог слушать одну и ту же несколько раз подряд, и мне не было скучно.

Когда я просил рассказать что-нибудь, папа обычно отвечал:

– Нет, уже поздно, – но я не отставал, и тогда он говорил: – Но ты их все уже слышал.

Я уверял его, что это неважно (так оно и было), и он наконец спрашивал:

– Что за историю ты хочешь услышать?

И я отвечал:

– Что-нибудь из твоей молодости.

Он крепко задумывался, и иногда я подсказывал ему – так я поступил и в этот раз.

У меня было две любимые истории. Первая – о том, как мама с папой познакомились.

Им было чуть больше двадцати, и вроде бы папа спас маму, когда она тонула в озере. Или в море. Он прыгнул за ней полностью одетым – а может, на нём были только плавки. (Вот поэтому я и говорю, что каждый раз история звучит по-новому.) По одной из версий, мама вовсе не тонула, а позвала папу на помощь только потому, что он ей нравился. Никогда не менялось лишь одно: папа был там вместе с дедушкой Байроном. У них был пляжный пикник или встреча с другими индийцами, они подошли к воде, услышали мамины крики о помощи – и папа бросился её спасать.

Но в тот раз я хотел услышать вторую историю.

– Расскажи о том, как ты сломал зуб, – сказал я.

– Что, опять?

– Да, – я удобно устроился на подушке и подтянул одеяло к подбородку. Я очень любил эту историю.

– Что ж, я был немного старше, чем ты сейчас, – мне было, может, одиннадцать или двенадцать. И дедушка Байрон сделал для меня гоночный карт, который мы тогда называли козьявкой...

Я фыркнул от смеха.

– Козьявка! Почему вдруг такое название? Это ведь то же, что сопли.

– Не знаю. Ну вот так. Мне кажется, мы называли так всё маленькое и на колёсах.

– Вы взяли колёса от детской коляски?

– Да, нам удалось найти старые колёса от коляски – их-то мы и поставили. Твой дедушка соорудил деревянное основание вроде сиденья и принёс всякие детали с работы: втулки, болты, гайки.

– Он их украл?

– Нет, только не дедушка Байрон. Я думаю, они просто случайно упали ему в карман, когда он проходил мимо – знаешь, как это бывает?

Я рассмеялся. Мне понравилась эта идея: вещи сами катятся и падают кому-то в карман, стоит только пройти мимо.

– Так вот, у этой штуки был только один тормоз – деревянный рычаг на заднем колесе. А ещё я захотел её покрасить, но отыскал только краску от гаражных ворот. В общем, машинка приобрела странный оливково-зелёный цвет.

– Оливково-зелёный? – это была новая деталь.

– Да. Я дал ей название: Маленькая быстрая зелёная машина. Я написал его белым цветом точно по центру.

– Ты никогда мне об этом не рассказывал.

– А сейчас рассказываю. Мы с дедушкой испробовали нашу Зелёную машину, и она действительно была хоть и маленькой, но очень быстрой, скажу я тебе!

– Она нравилась твоим друзьям?

Папа помедлил:

– Наверное... Я не очень хорошо помню. Мне кажется, они обычно были заняты другими делами.

Пауза затянулась, и я легонько ткнул папу локтем.

– И вот однажды я катался на Зелёной машине...

– На Маленькой быстрой зелёной машине, – поправил я.

– Да, конечно, на Маленькой быстрой зелёной машине. Я был один на длинном склоне, который спускается к набережной над волноломом. Ты знаешь это место – там классно кататься!

Я кивнул: мне нравилась набережная. Так мы называли дорожку на стене, ведущую к пляжу. По ее краю стояло металлическое ограждение, чтобы не упасть, и дважды в год прилив поднимался почти на высоту стены: иногда брызги волн даже долетали до людей.

– Итак, я на машинке. Я мчусь вниз по склону и громко кричу слова песенки из телика: «Фан даби дози-и-и»!²¹ Как вдруг...

– Ты врезаешься в кирпич посреди дороги!

– Именно! Большой кирпич или строительный блок – я даже точно не помню, что это было. Переднее колесо отрывается, и я лечу лицом вниз – бууум!

– Было много крови?

– Крови? Да я выглядел, как после десяти раундов с Майком Тайсоном.

– Что? Кто это?

– Не суть. Я весь в крови – она была повсюду. Один зуб выпал сразу, два других повредились, лицо в царапинах, а в нос воткнулась скоба от оставленной кем-то магазинной тележки.

Я вспомнил эти ужасные подробности и поморщился. Это звучало жутко. Папа продолжил:

²¹ «Фан даби дози» (англ. Fan Dabi Dozi) – песня из телешоу шотландского комедийного дуэта «Крэнки». Телешоу было популярно в Великобритании в 1980-е годы.

– Я реву – даже не от боли, а оттого что Зелёная машина разбилась. И какой-то водитель, проезжавший под склоном, останавливается – я помню, это был синий «Остин Аллегро». Он вытаскивает скобу из моего носа, сажает меня в машину и везёт домой – а я заливаю кровью всё вокруг.

– Ты не поехал в больницу?

– Нет, хотя нужно было. Может, там привели бы мои зубы в порядок. Но твой дедушка сказал только: «Ох, вот это да – ты будто с войны вернулся!» – для полного эффекта папа покачал головой, как дедушка Байрон. – Он отмыл меня и усадил перед телевизором, а на следующий день я уже пошёл в школу.

– Ты был храбрым, – сказал я.

Папа улыбнулся:

– Не уверен. Но после этого происшествия дети в школе перестали ко мне цепляться.

– А они часто это делали? – спросил я, но папа уже встал. Гости внизу всё ещё болтали, и Анника продолжала хохотать. Папа наклонился и поцеловал меня в голову. Я крепко-крепко обнял его за шею: от него пахло вином. Я попытался представить, что кто-то задирает моего папу, но не смог, и обнял его ещё крепче. Потом он аккуратно высвободился и пошёл вниз.

Глава 19

Мама смотрит на меня очень внимательно: я сижу, мрачно уставившись на хлопья, но не ем. Она держит чашку с чаем обеими руками. Мы вдвоём. Стив на несколько дней уехал на какие-то курсы. Судя по листовке на холодильнике, они называются «Новые направления в информационных технологиях для муниципальных библиотек». А Карли всегда уходит рано – мне кажется, во многом для того, чтобы не завтракать со мной и мамой.

Надо сказать, что я плохо себя чувствую, – всё потому, что я практически не спал ночью. Думаю, я уснул не раньше пяти.

– Ты сможешь пойти в школу, Ал? – спрашивает мама.

Нужно вести себя очень аккуратно. Я должен разработать план по возвращению к машине времени, поэтому мне не до школы. Но если я активно выступлю против школы, мама решит, что я притворяюсь. Если буду хрипеть слишком сильно, мама решит, что я притворяюсь. Короче говоря, что бы я ни делал – мама решит, что я притворяюсь, *но...*

У меня есть одно преимущество. Год назад я не притворялся, а она всё равно отправила меня в школу. Меня вырвало на собрании, и ей пришлось за мной приехать. Я держу этот запас про запас, чтобы использовать в подходящий момент. Сейчас же я применю тактику «Пожать плечами».

Этот жест означает: «Мне плохо. На самом деле, мне настолько плохо, что я не в силах решить, смогу ли пойти в школу. В прошлый раз, когда мне было плохо, ты отправила меня в школу, а меня вырвало прямо на спину Кэти Пеллинг».

Рискованная тактика, но она работает.

– Ты ужасно выглядишь, милый. Я принесу тебе градусник.

Вот и прекрасно: я даже не потратил свой запас, ведь я *не прошу её оставить меня дома*. Думаю, этот запас мне всё равно скоро пригодится.

Мама суёт градусник мне в рот.

– Подержи его, я сейчас вернусь, – говорит она и выходит из кухни. Её чашка с чаем стоит прямо передо мной, и стоит маме выйти, как я окунаю туда градусник. Красная полоска ползёт вверх – нужно не передержать, а то мама вызовет скорую помощь. Когда мама возвращается, градусник уже снова у меня во рту. Она смотрит на него и качает головой.

– Мой бедный мальчик, – говорит она. – Я же видела, что ты нездоров.

За следующие двадцать минут мама укладывает меня обратно в кровать, ставит рядом стакан воды, приносит ведёрко – на случай, если меня будет тошнить, делает бутерброды – на случай, если я проголодаюсь, и приносит мне стопку книг.

– Я не могу отпроситься сегодня, – говорит она, – но постараюсь прийти пораньше. Отдыхай и позвони мне, если тебе станет хуже. Справишься?

Я киваю, вяло улыбаясь, и жду, пока мама уйдёт. Но она останавливается у двери и морщит нос.

– Чем это пахнет?

Я тоже чувствую этот запах. Пахнет лисьим помётом. Слабая, но ощутимая вонь идёт от груды одежды, сваленной у кровати.

Я принохиваюсь и говорю:

– Извини. Это я. Живот болит.

Мама поводит носом, склоняет голову к плечу и смотрит на меня с жалостью. Потом она выходит из комнаты.

Как только хлопает входная дверь, я спрыгиваю с кровати и сажусь за ноутбук. Я набираю в поисковой строке браузера: «Эйнштейн», «теория относительности» и «путешествия во времени».

Спустя два часа я засыпаю за столом, подложив под голову руку. Вторая рука всё ещё на мышке ноутбука. Я не особо продвинулся, хотя:

1. Я посмотрел на «Ютьюбе» классный мультик про говорящего кота: он путешествует со скоростью света, и в его космический корабль одновременно попадают две молнии.

2. Я прочитал длинную статью парня, который ведёт по телевизору передачу о планетах. Название статьи внушало надежду: «Относительность для умного двенадцатилетнего ребёнка». Но, наверно, тот ребёнок умнее меня. А я, без всякого хвастовства, достаточно умён – во всяком случае, в математике.

3. Я уяснил: квантовая физика предполагает, что одна вещь может находиться в двух местах одновременно. Но я всё ещё не понимаю почему. И как.

4. Я узнал, что Альберт Эйнштейн не говорил до четырёх лет. А потом заговорил и громко сказал за ужином: «Суп слишком горячий!»

5. Я отчистил лисий помёт с джинсов, прокрутил и высушил их в стиральной машине и убрал в шкаф.

Я сплю целую вечность. Мне снится, что я на космическом корабле, который преследует космическая полиция. Мне снятся Эйнштейн и Джолион Дэнси. Всё и ничто смешиваются в единое целое в моих снах. И наконец мне уже ничего не снится – я сплю глубоким крепким сном.

Глава 20

Десять фактов о моей маме

1. Моя мама великолепно готовит пять блюд: спагетти «Болоньезе», сосиски с картофельным пюре и луковой подливкой, макароны с сыром (когда не добавляет странный сыр), рыбный пирог (когда не добавляет странную рыбу – да, это я об анчоусах) и лазанью по особым случаям. Всё остальное – кулинарные эксперименты. Блюда карри она доверяла папе, а Стив не особо любит острую пищу – так что теперь я ем карри только у бабушки Байрона.

2. Мама никогда не сидела на диете. Она не полная – вовсе нет. Она говорит, что просто прекращает есть, когда наедается. Стив считает, что это необычно. Даже Карли сидит на диете. (Не хочу сказать ничего плохого, но её диета не кажется эффективной.)

3. Мама умеет *очень* быстро читать. Однажды я засёк время (втайне от неё, чтобы она не старалась специально), когда она читала книгу: так вот, мама переворачивала страницу раз в минуту – что вдвое больше средней скорости чтения. Полагаю, это удобный навык, ведь она работает в библиотеке.

4. Хотя иногда мама читает *очень-очень* медленно, особенно если речь идёт о поэзии. Тогда она подолгу всматривается в страницу и шевелит губами. За этим очень смешно наблюдать: выглядит так, будто мама не умеет читать.

5. Её любимый поэт – Т. С. Элиот. Я никогда не читал его произведений, но ходил с классом на мюзикл «Кошки» в Королевский театр Ньюкасла – кажется, Элиот написал для него стихи.

6. Родители мамы много лет назад переехали в Ирландию, чтобы ухаживать за её бабушкой, и остались там жить. Мы видимся очень редко. Мама звонит им по телефону, и каждый раз они спрашивают, сколько мне теперь лет. Мама навещает их примерно раз в год, а тётюшка Элли ездит к ним чаще.

7. Мама не умеет плавать. Представляете, так и не научилась. В детстве родители иногда водили меня в бассейн – папа заходил со мной, а мама сидела у большого окна в кафе, пила кофе и читала (очень быстро). Она говорит, что ей страшно заходить в воду после того случая, когда она чуть не утонула, а папа её спас.

8. Иногда мама бывает задумчивой: она подолгу смотрит на меня и говорит обо мне «чудо-мальчик». Это мило, но порой я смущаюсь. Мама с папой очень долго пытались завести ребёнка. Врачи говорили маме, что у неё может и *совсем* не быть детей, поэтому родители были *безумно* счастливы, когда я появился. (Ура мне!)

9. Её любимый актёр – какой-то парень по имени Ричард Гир; он очень пожилой, седовласый, в очках и всё такое. Она называет его «роскошным» и говорит, что ей всегда нравились мужчины постарше. Это тот неловкий момент, когда я готов выбежать из комнаты, зажав

уши руками. (Папа был чуть младше мамы, а Стив старше неё, но не похож на Ричарда Гира. Ничуть не похож.)

10. Я оставил самое интересное напоследок. У моей мамы перепончатые ноги! И у меня, кстати, тоже. Ладно, я сильно преувеличиваю. Эта штука называется «синдактилия»: мизинцы на маминых стопах соединены кожей с соседними пальцами. Это наследственное: маме передалось от её мамы, а дальше – мне. (Мне кажется, в этом есть что-то инопланетное, и я почти никому не показывал пальцы своих ног – да и где бы я мог это сделать.) Штука довольно редкая, но не опасная.

Глава 21

Когда я просыпаюсь, дедушка Байрон сидит в своих жёлто-оранжевых одеждах за столом на кухне и вертит в руках мобильный.

– Чёртовы дети. Не уважают собственность – вообще ничего не уважают. Чёртова глубокая царапина сбоку, и ещё этот отвратительный запах лисьего... – он замечает, как я вхожу в комнату, – лисьих дел. Батюшки мои, какой же смрад.

Когда дедушка Байрон взволнован, его речь становится странной: он говорит безнадёжно устаревшими фразами или переходит на диалект.

– Ты же вызвал полицию, Байрон? – спрашивает мама.

– Уж будь уверена. Они видели этого негодника ночью и пустились за ним в погоню, но ему удалось скрыться.

– Сегодня ночью мопед твоего дедушки украли малолетние угонщики, – объясняет мама.

– О нет, – говорю я. А потом ещё раз с чувством: – *О нет!*

Надеюсь, я не переигрываю. Но дедушка где-то далеко в своих мыслях.

– Вот чего я совсем не понимаю, – говорит он, – это почему они вернули мопед? Завезли его на дорожку – туда, откуда взяли. Ведь они могли просто его где-то бросить?

– А что с замком, Байрон?

– Это ещё одна странность. Замок не был сломан. Могу только предположить, что забыл его закрыть. Ладно, идём, Ал, сейчас начнутся «Игры разума», – он направляется в гостиную, и тут меня осеняет дельная мысль.

– Может, посмотрим у тебя?

Он вопросительно смотрит на меня:

– Почему, ради всего святого?

– Просто... у тебя лучше. Мы... мы можем попить масала-чай.

Уловка срабатывает: дедушка широко улыбается.

– Давай поторопись. Мы можем не успеть на начало, но там простые вопросы. Ничего интересного!

– Постой, я кое-что забыл!

Я бегу вверх и снимаю запасной ключ от мопеда с жёлтого брелока. Вместо него я вешаю другой, от своего старого велосипеда. Они не особо похожи, но с первого взгляда дедушка может и не заметить, что запасной ключ исчез. Так я смогу ещё раз позаимствовать его мопед.

Когда мы подходим к дедушкиному дому, я вижу масштаб ущерба при свете дня, и мне становится стыдно. Глубокая царапина на мопеде повредила краску и пластиковый ножной щиток. Хуже того: дедушка подвозит мопед ближе к дому, достаёт из багажника совершенно новую тяжёлую цепь и протягивает её от колёс до водосточной трубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.